

*Русская Православная Церковь Заграницей,
Сѣверо-Русская епархія*

*Ирм. Рафаиль (Мишинъ),
магистръ богословія
Св. - Сергіевскаго
института въ Парижѣ*

ОТЪ ИМЯСЛАВІЯ КЪ ИМЕНОБОЖІЮ

– I –

Подходить къ вопросу имяславія формально, поверхностно, это значитъ дать поводъ и защитникамъ и противникамъ этого мнѣнія къ дальнейшему противостоянію, зачастую безрезультатному, приводящему къ еще большому непониманію и взаимонепріятію. Поэтому въ данной статьѣ мы постараемся обратиться къ самому существу исслѣдуемаго вопроса и тщательно выяснитъ его принципиальную основу, не затрагивая того множества несущественныхъ нагроможденій, которое было порождено за сто съ лишнимъ лѣтъ развитія ученія имяславцевъ. Мы не станемъ дѣлать основной упоръ на исторіи этого вопроса, что заняло бы приличное количество времени и текста, но обратимся непосредственно къ его сути. Суть же вопроса въ томъ, чѣмъ являются имена Божіи для человѣка, Божественны они или тварны? Какое отношеніе къ нимъ подобаешь имѣть: божественное почитаніе или благоговѣйное поклоненіе?

«Великое и честное призывая имя Господне, чашу спасенія страданій, радуясь, Акепсимо, испиль еси»,¹ — мы видимъ въ этихъ словахъ тропаря священномученику Акепсиму одинъ изъ множества примѣровъ трепетнаго и въ высшей степени благоговѣйнаго отношенія Церкви Христовой къ имени Господню. И это отношеніе никакъ нѣльзя умалить или обойти вниманіемъ. Дѣйствительно, имя Господа, возводящее нашъ умъ и обращающее наше сердце къ Самому Господу, для всѣхъ православныхъ христіанъ велико, свято, непорочно, и неприступно не только для падшаго, ограниченнаго и чувственнаго человѣческаго ума, но и для самогó духовнаго ангельскаго разума.² Это значитъ, что именуя нетварныя Божественныя дѣйствія (энергіи) для лучшаго усвоенія ихъ различныхъ проявленій, тварный разумъ какъ чистыхъ ангеловъ, такъ и оскверненный грѣхомъ умъ человѣковъ въ изумленіи замираютъ предъ непостижимымъ величіемъ именуемаго Божества.

¹ 1-й Тропарь 5-й пѣсни на утрени, Миняя 3 ноября, память свв. мчч. Акепсима епископа, Іосифа пресвитера и Аифала діакона.

² См. Схоліи (4-я) прп. Максима Исповѣдника на Слово св. Діонисія Ареопагита «Что ничемъ изъ умственнаго не является, превосходя его, Причина всего умственнаго» // О Таинственномъ Богословіи. Гл. V.

Что же это за парадокс, — спросим мы, — «имя Неименуемаго»? Какъ совмѣстить въ своемъ сознаниі извѣстныя намъ Божественныя имена и ученіе Православной Церкви о неименуемости Божества? «Не можно Бога изглаголатъ или умою постигнуть... посколькy для Него не существуетъ ни словъ, ни наименованій, ни знаній», — говоритъ о неименуемости Божественной Причины, т. е. Бога, св. Діонисій Ареопагитъ, — «и Она не есть ни слово, ни мысль; Она и словом не выразима и не уразумеваема».³ «Божество непостижимо для человѣческой мысли, и мы не можемъ представить Его во всей полнотѣ»⁴, — вторитъ божественному Діонисию величайшій Богословъ и Святитель Григорій.

Но какъ же тогда быть съ духовной реальностью именъ Божіихъ: *Слово, Богъ, Троица, Сущій, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, Господь Саваоѡвъ, Богъ Всемогущій, Вездѣсущій, Неизмѣняемый, Непознаваемый, Господь Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій* и другія многія имена Божіи, живописующія Бога Творца Вседержителя? Какъ быть съ тѣмъ, что злыхъ демоновъ — бѣсовъ, имя Божіе низлагаеть и повергаетъ въ страхъ и совершенное отчаяніе? Прп. Ефремъ Сиринь говоритъ: «Въ устахъ твоихъ непрестанно да будетъ псаломъ, ибо призываемое имя Божіе обращаетъ въ бѣгство демоновъ»⁵. Въ другомъ мѣстѣ Преподобный говоритъ: «Призываемое Божіе имя прогоняетъ бѣсовъ»⁶. И вотъ третье его выраженіе: «Ибо всѣми способами будетъ ухищряться (*антихристъ*), чтобы имя Господа и Спасителя — сіе всесвятое и пречистое имя — вовсе не было именуемо во времена змія. Сдѣлаеть же такъ, немощный, страшась и трепеща святой силы Спасителя имени, ибо кто не запечатлѣется его печатью, тотъ не будетъ плѣнникомъ его мечтаній; отъ такового не отступитъ Господь, но будетъ просвѣщать его сердце и привлечетъ къ Себѣ»⁷. И такъ, кажется, что мы дѣйствительно встрѣчаемъ необъяснимый парадоксъ.

Однако, парадоксъ сей разрѣшается словами великаго учителя Церкви святителя Василия, архіепископа Кессаріи Каппадокійской (PG. T.32. Col. 696AB): οὐκοῦν ἄλλο μὲν τὶ ἐστὶν ἡ οὐσία, ἢς οὐκ ἔστι λόγος μηρυτῆς ἐξευρέθη; ἑτέρα δὲ τῶν περὶ αὐτὴν ὀνομάτων ἡ συμασία, ἐξ ἐνεργείας τινὸς ἢ ἀξίας ὀνομαζομένων.⁸ Смыслъ этого текста наилучшимъ образомъ раскрываетъ, по нашему мнѣнію, переводъ архіеп. Василия (Кривошеина): «Итак, иное (ἄλλο) есть сущность, для которой до сих пор не было найдено слово, способное ее выразить, а иное значение имен, к ней (περὶ αὐτὴν) относящихся и называемых по какому-нибудь действию или достоинству»⁹. Это означаетъ, что именуя Бога, мы именуемъ не Его

³ О Таинственномъ Богословіи Діонисія Ареопагита, епископа Афинскаго, къ Тимофею епископу Ефесскому. Гл. V.

⁴ Слово 28, о богословіи второе. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. 1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 398.

⁵ Прп. Ефремъ Сиринь. Слова избранныя о Второмъ Пришествіи Христовомъ, кончинѣ мира, антихристѣ и Страшномъ Судѣ. М.: Церковно-историческое общество, 2017. С. 45.

⁶ Тамъ же. С. 70.

⁷ Тамъ же. С. 31.

⁸ «Итак, иное нечто есть сущность, к выраженію которой и слово еще не найдено (в одном из кодексов: «выражение которой еще не найдено». — *Прим. Ред.*), и другое значение именованій, какие даются сущности по какому-либо действию или достоинству». Свт. Василий Великій. Письмо 189. Къ Евстафію, главному врачу (181). Переводъ согл.: Святитель Василий Великій, Архiepіскопъ Кесаріи Каппадокійской. Творенія в 2 т., томъ второй: Аскетическія творенія. Письма. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 716.

⁹ Свт. Василий Великій. Письмо 189: Ер. 189, 8; 1, 17-20 (PG. T.32. Col. 696AB). Перев. Архiep. Василия (Кривошеина), оп. въ: Святитель Василий Великій, Архiepіскопъ Кесаріи Каппадокійской. Творенія в 2 т.,

неименуемое Существо, а Его Божественныя проявленія, или дѣйствія, называемыя по-гречески *энергіями*.

Несмотря на это ясное ученіе Православной Церкви, въ началѣ XX-го столѣтія появляется мнѣніе о томъ, что въ имени Божіемъ мы имѣемъ всего Бога во всемъ Его Существовѣ. Такую формулировку представляетъ схимонахъ Иларіонъ въ книгѣ на «Горахъ Кавказа», подкрепляя свои слова похожимъ мнѣніемъ правѣднаго о. Іоанна Кронштадтскаго. Однако православные богословы выражаютъ рѣзкое несогласіе съ тѣмъ, чтобы такое мнѣніе считать догматически правильнымъ. Возникаетъ споръ, приведшій къ смутѣ на Святой горѣ Аѳонъ, и перешедшій въ откровенный бунтъ противъ церковныхъ и гражданскихъ властей греческаго и російскаго государства. Послѣдователи и защитники новаго мнѣнія назвали себя *имяславцами*, а своихъ оппонентовъ *имяборцами*. Въ свою очередь тѣ, кто не пріемлютъ новое ученіе, называютъ своихъ противниковъ *имябожниками*, а себя считаютъ *православными*. Постараемся же разобраться, на чьей сторонѣ оказалась правда.

– II –

Сторонники новаго ученія, возведеннаго схимонахомъ Иларіономъ въ догматъ, утверждали, что имя Божіе неотдѣлимо отъ Божества, а слѣдовательно и само по себѣ оно, какъ неразрывно и нераздѣльно связанное съ Богомъ, Божественно и достойно Божественнаго поклоненія. И всѣ божественныя имена суть нетварныя дѣйствія (энергіи) Божіи. Противники же новаго ученія заявляли, что имя Божіе нельзя не только отдѣлять, но нельзя и сливать съ Божествомъ, потому что любое имя Божіе тварно и является лишь именованіемъ (условнымъ обозначеніемъ) нетварныхъ Божественныхъ дѣйствій, но не является ими самими. Какъ ясно выражается на сей счетъ свт. Григорій Богословъ: «Впрочемъ, не Богъ еще то, что мы представили себѣ подъ понятіемъ Бога, или чѣмъ мы Его изобразили, или чѣмъ описало Его слово»¹⁰, — и въ другомъ мѣстѣ, — «...я опасаюсь, что исказимъ понятіе о Божествѣ, если допустимъ въ Божество тварь»¹¹.

Разсмотримъ все по порядку. Для этого вновь обратимся къ словамъ прп. Ефрема Сиріанина: «Призываемое Божіе имя прогоняетъ бѣсовъ». И не только у него, но и въ другихъ твореніяхъ святыхъ отцовъ Церкви Христовой, и въ самомъ Священномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Заветовъ встрѣчаемъ мы указаніе на спасительную силу Имени Божьяго. Какъ же это понимать? Дѣйствительно ли, какъ утверждаютъ послѣдователи ученія имяславцевъ, само Имя Божіе являетъ въ себѣ всю силу Божію, все могущество Его и есть истинный Богъ во всемъ Своемъ Существовѣ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на поставленные вопросы, необходимо сразу же оговорить, что любая цитата, приводимая въ защиту того или иного мнѣнія должна быть рассматриваема въ общемъ контекстѣ того, о чемъ идетъ рѣчь. Категорически неприемлемо «выдергивать» отдѣльныя выраженія внѣ ихъ смысловой связи съ общимъ текстомъ. А такое, къ сожаленію, часто встрѣчается въ аргументаціи имяславцевъ. Такъ, наприимѣръ, приводится выраженіе свт. Григорія Богослова: «Къ сему ведетъ насъ великая

том первый: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 1097–1098.

¹⁰ Слово 28, о богословіи второе. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 395.

¹¹ Слово 22. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 333.

тайна! Къ сему ведеть вѣра въ Отца и Сына и Святаго Духа и въ общее имя!»¹², изъ котораго вполнѣ можно понять, что нѣкое «общее имя» стоитъ въ одномъ ряду съ лицами Пресвятой Троицы и, слѣдовательно, достойно такого же Божественнаго поклоненія. Однако, цѣликомъ фраза свт. Григорія выглядитъ такъ: «Къ сему ведеть насъ великая тайна! Къ сему ведеть вѣра въ Отца и Сына и Святаго Духа и въ общее имя! Къ сему ведутъ возрожденіе, отреченіе отъ безбожія и исповѣданіе Божества — сего общего имени!»¹³ Вотъ, оказывается, о чѣмъ идетъ рѣчь — объ исповѣданіи и поклоненіи единому Божеству въ общемъ имени лицъ Пресвятой Троицы! Такъ и въ словахъ святаго отца нашего Ефрема Сиріанина, если рассматривать ихъ, какъ и слѣдуетъ, въ общемъ контекстѣ основнаго смысла, ясно видно, что не о *наименованіи* Господа идетъ рѣчь, а о **Немь самомъ** — о самомъ Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ. И въ этомъ преподобный отецъ нашъ вполнѣ слѣдуетъ всѣй библейской и святоотеческой традиціи священнаго символизма.

Дѣйствительно, въ Священномъ Писаніи часто встрѣчается вмѣсто непосредственнаго обращенія къ Богу или указанія на Бога обращеніе или указаніе на Его всесвятое Имя. Такъ, показательна въ этомъ отношеніи книга Ездры, въ которой пророческое слово вѣщаетъ отъ лица самого Господа Саваоѳа, обличая людей Израиля, которые *«не радовастеся о имени Моемъ»*¹⁴. И далѣе, въ той же библейской главѣ, Господь предупреждаетъ невѣрный Ему народъ: *«преселюся ко инымъ языкомъ и дамъ имъ имя Мое, да соблюдаютъ законы Моя»*¹⁵. Изъ смысла всего пророчества ясно слѣдуетъ, что подъ выраженіемъ «имя Мое» Господь подразумеваетъ не что иное, какъ **Самого Себя**. Такая форма библейскаго обращенія предохраняетъ, въ своемъ родѣ, отъ неблагоговѣйнаго приближенія къ Святому Святыхъ — къ Творцу Неба и земли и всея твари Зиждителю.

Приведемъ другой примѣръ: *«И нынѣ заповѣдь сія къ вамъ, священницы: аще не услышите и аще не положите на сердцахъ вашихъ, еже дати славу Имени Моему, глаголетъ Господь Вседержитель, то пошлю на вы клятву и проклену благословеніе ваше»* (Мал. 2, 1–2). Приводя это пророчество Малахіи въ одномъ изъ своихъ писемъ, свщмч. Кипріанъ Карфагенскій, обличая крещеніе послѣдователей Маркіона, далѣе пишетъ: «И такъ приобщающійся крещенію Маркіонову вѣдаетъ славу Богу? Воздаетъ славу Богу, кто признаетъ, что и у богохульниковъ даруется отпущеніе грѣховъ? Воздаетъ славу Богу, кто утверждаетъ, что и отъ прелюбодѣйцы и блудницы, внѣ Церкви, рождаются чада Богу? Воздаетъ славу Богу, кто не держась единства и истины, происходящей отъ Божественнаго закона, защищаетъ ереси противъ Церкви? Воздаетъ славу Богу, кто, ставши..?» и т. д.¹⁶ Изъ контекста даннаго письма совершенно очевидно, что свт. Кипріанъ толкуетъ слова пророка «дати славу Имени Моему», какъ слова подразумевающія требованіе воздать славу **Самому Богу!** Очень показателенъ въ этомъ смыслѣ 73-й псаломъ: *Доколѣ, Боже, поноситъ врагъ? раздражаетъ противный имя Твое до конца?* (Пс. 73, 10). И далѣе: *Помяни сія: врагъ поноси Господеву, и людіе безумніи раздражиша*

¹² Тамъ же. С. 334.

¹³ Тамъ же.

¹⁴ 3 Ездр., 1, 16.

¹⁵ 3 Ездр., 1, 24.

¹⁶ Письмо къ Помпію противъ письма Стефана о крещеніи еретиковъ. Цит. по: Библиотека отцов и учителей Церкви //Творения священномученика Киприана епископа Карфагенскаго. Под ред. проф. А. И. Сидорова М.: «Паломникъ», 1988. С. 635.

имя Твое. (Пс. 73, 18). Спрашивается, какъ можно раздражать имя Божіе, если оно не персонифицировано, то-есть раздражать имя само по себѣ? Отвѣтъ очевиденъ – если мы не желаемъ прійти къ абсурду, то эти строки псалма должны относить не къ имени самому по себѣ, а къ Тому, Кто это имя носить, то-есть къ самому Богу. Поэтому подъ библейскимъ указаніемъ на имя Божіе и слѣдуетъ понимать самого Бога, но ни въ коемъ случаѣ не обожествлять имя Божіе, какъ нѣкій мистическій атрибутъ, присущій Существо Божію! Иудеи какъ разъ и попались въ эту ловушку. Вмѣсто почитанія Бога въ исполненіи Его заповѣдей, они мистифицировали имя Божіе, т. н. «священный тетраграмматонъ», надѣливъ его особой божественной силой и тщательно оберегая отъ непосвященныхъ; какъ будто опасаясь, что недостойно овладѣвшій этимъ Именемъ, получить божественную силу. Эти безумныя басни входятъ въ каббалистическое ученіе и по сей день, изрыгая невиданную хулу на Господа Иисуса Христа, обвиняя Его въ коварномъ присвоеніи Священнаго Имени Божія, которое, якобы, и обезпечило Ему сверхчеловѣческую силу.¹⁷ Однако вернемся къ нашему разсужденію и опредѣлимся съ однимъ важнымъ человѣческимъ понятіемъ, которое послужитъ намъ къ лучшему пониманію разсматриваемаго вопроса. Рѣчь пойдетъ о понятіи *воспріятія*.

– III –

Очевидно, что для естественнаго тварнаго воспріятія доступно лишь тварное. Нетварное же воздѣйствуетъ на тварь *независимо* отъ возможностей ея воспріятія, то-есть, какъ естественно, такъ и сверхъестественно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ воздѣйствіе Нетварнаго на Свое твореніе происходитъ посредствомъ Божественнаго Откровенія или иныхъ Божественныхъ Дѣйствій. И въ этомъ смыслѣ «имена Божіи божественны только какъ часть Божественнаго откровенія... Вѣдь Церковь всегда учила, что откровеніе Божественно, и именъ Божіихъ отсюда никогда не исключала»¹⁸. А отношеніе твари къ именамъ Божіимъ зависитъ отъ *воспріятія* ею этихъ именъ. Онѣ, эти святаыя имена, не дѣйствуютъ сами по себѣ внѣ зависимости отъ твари, какъ утверждаютъ послѣдователи имяславія, иначе мы имѣли бы дѣло съ нѣкой магіей. Св. прав. Іоаннъ Кронштадтскій говоритъ: «Чтобы маловѣрное сердце не помыслило, что крестъ или имя Христово дѣйствуютъ сами по себѣ, эти крестъ или имя Христово не производятъ чуда, когда я не увижу сердечными очами или вѣрою Христа».¹⁹ Крестъ есть сила неодолимая тамъ, гдѣ по кресту живутъ.

Такимъ образомъ, дѣйствіе пресвятыхъ именъ Божіихъ зависитъ отъ вѣры и четко опредѣленной направленности желанія того, кто ихъ призываетъ въ молитвѣ къ самому Богу. И лишь въ такомъ случаѣ мы вправѣ сказать, что въ имени Божіемъ — Самъ Богъ, присутствующій для насъ (**въ нашемъ субъективномъ воспріятіи, а не въ объективной реальности!**) во всемъ Своемъ непостижимомъ и неизменномъ Божественномъ Существомъ. Именно въ такомъ смыслѣ и слѣдовало бы понимать слова нашего любимаго кронштадтскаго пастыря, а не перетягивать искусственно его мысли о сердечной молитвѣ

¹⁷ См.: Толедотъ Маасе Иешу га-Нацри. Иудейскій памфлетъ. Въ кн.: *Иисусъ Христосъ въ документахъ исторіи*. Сост. Б. Г. Деревенскій. СПб.: «Алетейя». 6-е изд.: 2014. С. 306—364.

¹⁸ Аѳонская смута. Докладъ проф. С. Троицкаго. (Цит. согл.: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именовожническая ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 118).

¹⁹ Прот. Іоаннъ Сергіевъ. Моя жизнь во Христѣ. Т. 4, Изд. второе, СПб., 1893. С. 30.

на сторону защитниковъ новоизмышленнаго ученія о томъ, что внѣ зависимости отъ нашего воспріятія (т. е. объективно) само имя Божіе, или имя Христово и есть Самъ Богъ во всемъ Своемъ существѣ и со всѣми Своими свойствами²⁰. Вотъ что говоритъ самъ о. Іоаннъ Кронштадтскій въ своемъ дневникѣ: «Приноситъ ли пользу невольная, наружная молитва? Нѣтъ; она противна Богу. То же разумѣй и объ ученіи. Ученіе невольное, буквальное, не приноситъ пользы. Какъ невольный молитвенникъ только слова перебираетъ, а силы ихъ часто не понимаетъ и не чувствуетъ, и не просвѣщаетъ, не согрѣваетъ, не оживотворяетъ ими сердца своего, такъ и невольный ученикъ. ...Надо учить размышлять о томъ, что говорить»²¹. Въ этихъ словахъ ясно видно, что безвѣрное и даже просто неразумное, бессмысленное моленіе (призываніе имени Божія есть видъ моленія) не приноситъ пользы, болѣе того — оно противно Богу.

Въ другомъ мѣстѣ своего дневника кронштадтскій пастырь такъ пишетъ непосредственно о святыхъ именахъ Господа Іисуса и Его Пречистой Матери: «Къ славу пресвятаго имени Владыки Господа Іисуса Христа и Владычицы Богородицы. — Ощущалъ я тысячекратно въ сердцѣ моемъ, что послѣ причастія св. Таинъ или послѣ усердной молитвы домашней, обычной или по случаю какого-либо грѣха, страсти и скорби и тѣсноты, Господь, по молитвамъ Владычицы, или Сама Владычица, по благодати Господа, давали мнѣ какъ бы новую природу духа, чистую, добрую, величественную, свѣтлую, мудрую, благодатную, вмѣсто нечистой, унылой и вялой, малодушной, мрачной, тупой, злой»²². Здѣсь отецъ Іоаннъ совершенно опредѣленно подразумеваетъ подъ святыми именами Владыки Господа и Владычицы Богородицы **самихъ** Господа Іисуса Христа и Его Пречистую Матерь, указывая не на имена сами по себѣ, а на Тѣхъ, кого онѣ именуютъ.

Для выраженія молитвеннаго настроенія языкомъ внутреннихъ чувствъ души вполне приемлемо то разсужденіе, что въ молитвенномъ призываніи именъ Божіихъ, по нашимъ вѣрѣ и усердію, мы обрѣтаемъ самого Бога въ нашемъ субъективномъ воспріятіи. «Великія имена, — пишетъ о. Іоаннъ, — Пресвятая Троица, или Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, или Отецъ, Слово и Святой Духъ, призванныя съ живою, сердечною вѣрою и благоговѣніемъ, или воображенныя въ душѣ, суть Самъ Богъ и низводятъ въ нашу душу Самого Бога въ трехъ лицахъ... А какъ Самъ Податель — Само это безконечное, простое Существо, можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ, обнято одною нашею мыслию, однимъ словомъ, то вѣрь, что одно слово твое, одно прошеніе твое объ исполненіи чего-либо, тотчасъ по манію Господа можетъ стать вещію и дѣломъ»²³. А чуть ранѣе, предъ этими словами, Кронштадтскій пастырь поясняетъ, какъ и съ какою вѣрою слѣдуетъ относиться къ словамъ молитвы: «Когда молишься о чемъ-либо Господу, или Пресвятой Богородицѣ, или Ангеламъ и святымъ... тогда слова, выражающія твои прошенія, твои нужды, имѣй за самыя вещи, за самое дѣло, котораго ты просишь у Господа, и вѣруй, что ты имѣешь уже

²⁰ «Но мы, утверждаясь на опытѣ сердечныхъ чувствъ, говоримъ, что: въ имени “Іисусъ” находится самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣми своими совершенствами, качествами и свойствами. А поэтому имя сіе “Іисусъ Христосъ” есть Самъ Онъ дражайшій Искупитель нашъ Господь. Какъ во плоти Христа — обитала вся полнота Божества, такъ и здѣсь ...», — изъ Письма автора книги «На горахъ Кавказа» схимонаха Иларіона на Аѳонъ къ духовнику — іеросхимонаху о. Н. (цит. по: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 28).

²¹ Іоаннъ Кронштадтскій. Моя жизнь во Христѣ. Т. 2. Репринтъ. М.: Международный православный фонд «Благовестъ», 1998. С. 35-36.

²² Тамъ же. С. 38.

²³ Тамъ же. С. 250.

вѣрный залогъ въ полученіи предмета твоихъ прошеній въ самыхъ словахъ, коими означается этотъ предметъ»²⁴.

Дѣйствительно, для языка психологическаго — языка души, подобныя формулировки молитвенныхъ смысловъ вполне допустимы, какъ выражающія ея субъективное воспріятіе Бога. Но для точнаго языка догматическаго, выражающаго объективную реальность, онѣ не всегда приемлемы. Для образнаго языка молящейся души въ имени Божіемъ заключено для нея все существо Его, а для строгаго языка православной догматики существо Божіе невыразимо. «Кто изреши можетъ,» — восклицаетъ Святая Церковь, — «или разумѣти Бога когда въ существѣ Божіи; Его же ни ангели вси, ни архангели могутъ исповѣдати достойно. Той бо изшедь отъ существа Отца, разори врага востаніемъ Своимъ»²⁵. И великій святитель и учитель Церкви Христовой Василій подчеркиваетъ, что «...нетъ ни одного имени, достаточнаго, чтобы, охвативъ все Божественное естество, быть способнымъ его выразить, но многочисленные и разнообразныя, каждое со своимъ собственнымъ значеніемъ, они образуютъ вместе тусклое и совершенно малое понятіе по сравненію съ целымъ, для насъ, однако, вполне достаточное».²⁶ И разъ ни одно имя не выражаетъ (да и не возможно полноцѣнно выразить тварному Нетварное!) всю полноту Божества, слѣдовательно ни одно имя само по себѣ не можетъ являться Божествомъ. А святитель Григорій Богословъ прямо говоритъ, что «для человѣка невмѣстимо Божіе даже явленіе, не только естество».²⁷ Такимъ образомъ, коли нѣтъ имени достаточнаго, чтобы охватить все Божественное естество, во всей Его полнотѣ, и при этомъ «энергии, такъ же какъ и Ипостаси, не являются частями Бога», а «Богъ находится во всей Своей полнотѣ в каждой изъ нихъ»²⁸, то это означаетъ, что имя Божіе не есть энергія или Ипостась, а лишь обозначеніе (именованіе) ихъ. Сами по себѣ имена Божіи не являются ни дѣйствіями, ни свойствами Божества, а только обозначаютъ ихъ — Божественныя «именованія обозначаютъ не сущности, но свойства»²⁹, какъ совершенно ясно говоритъ объ этомъ свт. Василій Великій. Подчеркнемъ здѣсь еще разъ слово «обозначаютъ». Итакъ, не являются ни сущностью, ни свойствами Божества Божественныя имена, а только **обозначаютъ** ихъ.

Въ истинной своей объективной реальности «Слово Божественное превышаетъ природу человѣческую и душа не можетъ воспринять всего въ совершенной полнотѣ»³⁰. Богъ есть «также безымянное и непостижимое для людей Бытіе, созидающее [всякое]

²⁴ Тамъ же. С. 249.

²⁵ Канонъ полунощницы воскресной 4 гласа, тропарь 8-й пѣсни на «Слава».

²⁶ Свт. Василій Великій. Противъ Евномія: Adv. Eunom. I, 10 // PG. T.29. Col. 533C. Перев. Архіеп. Василя (Кривошеина), оп. въ: Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в 2 т., том первый: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 1095-1096.

²⁷ Слово 28. Свт. Григорій Богословъ. Творения. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 403.

²⁸ Архіеп. Василя (Кривошеина). Проблема познаваемости Бога. Оп. въ: Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в 2 т., том первый: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 1098.

²⁹ Свт. Василій Великій. Противъ Евномія: Adv. Eunom. II, 4 // PG. T.29. Col. 577C. Перев. Архіеп. Василя (Кривошеина), оп. въ: Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в 2 т., том первый: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 1096.

³⁰ Письмо Фирмилиана еп. Кесаріи Каппадокийской св. Кипріану еп. Карфагенскому. Цит. по: Библиотека отцов и учителей Церкви // Творения священномученика Киприана епископа Карфагенскаго. Под ред. проф. А. И. Сидорова, М.: «Паломник», 1988. С. 652.

другое бытие. Ибо Соломон сказал, что Бог есть “несообщимое Имя” (Прем. 14, 21); а “несообщимое Имя” есть то, которое не воспринимается слухом или мыслью ни людей, ни Ангелов. В скольких смыслах употребляется в Писании Имя Божие? Ясно, что в двух: [когда говорится о Боге] по естеству и о [боге] по причастию; [Бог] по естеству есть Творец, а по причастию и по благодати и праведники называются “богами”³¹. Эти слова принадлежат прп. Анастасію Синаиту и подтверждаются богослужебными текстами, гдѣ и имя святаго чловѣка именуется *святымъ* и даже *всесвятымъ*. Вотъ одинъ изъ такихъ текстовъ: «Колесница Божія пресвѣтлая былъ еси, всесвятое нося имя предъ чловѣки, Лукó всечѣстное, колесницы и тристаты прелести погружая крѣпко»³².

Продолжая нашъ разговоръ о различіи языка психологическаго и догматическаго, приведемъ еще одинъ яркій примѣръ, доказывающій со всей очевидностью, что и св. Іоаннъ Кронштадтскій вполнѣ отдавалъ сѣбѣ отчетъ въ существенномъ различіи между ними. «Когда ты про себя въ сердцѣ говоришь или произносишь имя Божіе, Господа, или Пресвятой Троицы, или Господа Саваоѳа, или Господа Іисуса Христа, — такъ начинается свое слово о. Іоаннъ, выражаясь молитвеннымъ языкомъ своей души, — то въ этомъ имени ты имѣешь все существо Господа: въ немъ Его благодать безконечная, премудрость безпредѣльная, свѣтъ непреступный, всемогущество, неизмѣняемость. Со страхомъ Божиимъ, съ вѣрою и любовію прикасайся мыслями и сердцемъ къ этому всезидущему, вседержавшему, всеуправляющему Имени». Въ этихъ словахъ, казалось бы, видится подтвержденіе мнѣнію имяславцевъ, но намъ должно быть ясно, что такъ вѣщаетъ языкъ души (психологическій), языкъ же догматики совершенно иной. И оканчиваетъ святой пастырь свое слово съ необходимой догматической оговоркой: «Вотъ почему строго запрещаетъ заповѣдь Божія употреблять имя Божіе всуе, потому то-есть, что имя Его есть Онъ Самъ — единый Богъ въ трехъ Лицахъ, простое Существо, въ единомъ словѣ изображающееся и заключающееся, и в то же время не заключаемое, то-есть не ограничиваемое имъ и ничѣмъ сущимъ»³³. Всякому, кто внимательно вчитается въ эти строки, станетъ ясно, что святой правѣдникъ называетъ, конечно, не Бога ограниченнымъ тварнымъ словомъ, а само по себѣ имя Божіе, произносимое чловѣкомъ, ибо Сущій Богъ — Слово **не** тварное — и не ограничено никѣмъ и ничѣмъ. Въ догматическомъ смыслѣ «разсуждая о безтѣлесномъ, употреблять наименованія свойственныя тѣлесному значить, можетъ быть, то же, что клеветать; то же, что побивать камнями»³⁴, сокрушается свт. Григорій Богословъ. Однако тутъ же оправдываетъ немощь тварнаго чловѣческаго языка, дерзающаго разсуждать о Нетварномъ: «Мы не произвольно мечемъ камнями, но потому что не можемъ выразиться иначе; употребляемъ слова, какія имѣемъ»³⁵. И въ этомъ выраженіи Святителя отчетливо прослеживается мысль о томъ, что всякое именованіе Бога взято тварью изъ ея тѣлеснаго, то-есть тварнаго, языка.

Не различеніе символическаго языка души и точнаго, буквального въ своихъ опредѣленіяхъ языка христіанскихъ догматовъ можетъ привести, и приводитъ, къ тяжелѣйшимъ послѣдствіямъ — догматическимъ заблужденіямъ и ересямъ. Если данный въ символѣ образъ воспринимать не духовнымъ, а плотскимъ разумомъ, да еще внѣ

³¹ Прп. Анастасій Синаит. Избранные творения. М.: «Паломник», «Сибирская благовонница», 1998. С. 218.

³² 1-й троп. 1-й пѣсни на утрени октября 18-й день. Память св. ап. и ев. Луки.

³³ Іоаннъ Кронштадтскій. Моя жизнь во Христѣ. Т.2. Репринтъ. М.: Международный православный фонд «Благовест», 1998. С. 129.

³⁴ Слово 37. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 511.

³⁵ Тамъ же. С. 512.

Откровения Божія, то можетъ произойти духовная катастрофа, подобная той, которая произошла съ многими учениками Господа Иисуса Христа, грубо и чувственно понявшими слова о Немъ, какъ о хлѣбѣ, спешемъ съ Небесъ, который есть плоть Его: и кто не будетъ ѣсть Его плоти и пить Его крови, *то не будетъ имѣть жизни въ стѣбѣ*.³⁶ Реакціей іудеевъ на эти слова, исполненныя глубочайшаго духовнаго смысла, сталъ жаркій споръ: *пряхуся же между собою жидове, глаголюще: како можетъ сей намъ дати плоть (свою) ясти?*³⁷ А реакціей некоторыхъ учениковъ Господа на эти слова стало возмущеніе, близкое къ оскорбленности: *мнози убо слышавше отъ ученикъ его, реша: жестоко есть слово сіе: (и) кто можетъ его послушати?*³⁸, которое окончилось разочарованіемъ и отходомъ отъ своего Учителя: *отъ сего мнози отъ ученикъ его идоша вспяты, и ктому не хождаху съ нимъ*.³⁹

Къ различенію языковъ: догматическаго и душевнаго (психологическаго), призываетъ насъ и свт. Григорій Богословъ: «Вообще же реченія болѣе возвышенныя относи къ Божеству и къ природѣ, которая выше страданій и тѣла, а реченія болѣе унижательныя — къ Тому, Кто сложенъ, за тебя истощилъ Себя и воплотился, а не хуже сказать, и вочеловѣчился, потомъ же превознесенъ, чтобы ты, истребивъ въ догматахъ своихъ все плотское и пресмыкающееся по землѣ, научился быть возвышеннѣе и восходить умомъ къ Божеству, а не останавливаясь на видимомъ, возносился къ мысленному и зналъ, гдѣ рѣчь объ естествѣ Божіемъ, и гдѣ объ Его домостроительствѣ».⁴⁰ Посему, если въ точный языкъ христіанской догматики вводить понятія чувственно-символическія, душевныя, и на этомъ догматическомъ языкѣ утверждать, что имя Божіе есть Самъ Богъ во всемъ Своемъ Существовѣ, то для утверждающихъ такъ «*незамѣтно для нихъ самихъ*», имя Божіе становится Богомъ, какъ бы отдѣляясь отъ Самого Бога»⁴¹, какъ совершенно точно указываетъ на это архіеп. Никонъ (Рождественскій). Такъ что въ приведенномъ въ началѣ II-й части нашей статьи положеніи имяславцевъ о том, что имя Божіе неотдѣлимо отъ самого Бога, кроется серьезная опасность незамѣтно отождѣвить тварное съ нетварнымъ и, невзначай, отдѣлить имя Божіе отъ самого Бога, а въ результатѣ — воздать божественное поклоненіе имени, а не Именуемому, что мы и наблюдаемъ со всей очевидностью теперь среди приверженцевъ имяславія.

Ключевой, центральной ошибкой автора брошюры «На горахъ Кавказа», а вслѣдъ за нимъ и всѣхъ защитниковъ его мнѣнія является именно **смѣшеніе** психологическаго и догматическаго пониманія важнейшихъ богословскихъ истинъ. Не заяви отецъ Иларіонъ, что его разсужденія о всесвятomъ имени Божіемъ суть догматъ, не было бы ни тѣхъ возраженій со стороны просвѣщеннаго христіанства, справедливо обрушившихся на его бѣдную голову, ни той смуты, которую посѣяло его новоизмышленное ученіе въ сердца и умы христіанъ-простецовъ, ни того позора для всякаго христіанскаго сердца, какой навлекли на православный міръ кичливое неразуміе и горделивая дерзость бунтарей-революціонеровъ, воспользовавшихся въ своихъ корыстныхъ целяхъ богословскимъ невѣжествомъ соблазненныхъ ими монаховъ-простецовъ.

³⁶ Иоан. 6, 51.

³⁷ Иоан. 6, 52.

³⁸ Иоан. 6, 60.

³⁹ Иоан. 6, 66.

⁴⁰ Слово 29. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. I. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 426.

⁴¹ Архіеп. Никонъ. Великое искушеніе около святѣйшаго имени Божія. (Цит. согл.: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 75).

Вѣдь, что заявили отецъ Иларіонъ? «Положеніе догмата, сдѣланное нами, важное, не обычное, чрезвычайное и въ такомъ видѣ, какъ мы его поставили, не встрѣчается нигдѣ, кромѣ какъ только у о. Іоанна Кронштадскаго», – пишетъ онъ въ письмѣ къ духовнику.⁴² Но, во-первыхъ, никакихъ новыхъ догматовъ православная Церковь не знаетъ. А если бы кто и рѣшился установить что-либо подобное, да еще внѣ соборнаго Ея разума, единолично, тотъ несомнѣнно подпалъ бы подъ апостольскую анаѹему: *но и аще мы, или ангель съ небесъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѹема да будетъ!*⁴³ Во-вторыхъ, правѣдный пастырь кронштадтскій и не думалъ утверждать, будто размышленія, приведенныя въ его дневникѣ суть догматическія положенія Церкви. Вовсѣ нѣтъ! Напротивъ, самъ жанръ дневниковыхъ записокъ обличаетъ тѣхъ, кто хотель бы видѣть въ нихъ строгое догматическое ученіе Православной Церкви. Отецъ Іоаннъ нигдѣ не претендуетъ называть свои дневниковыя записи, служащія для субъективнаго выраженія его психологическаго молитвеннаго опыта, догматическимъ ученіемъ. И это ясно видно изъ всего контекста его дневника. Его дневниковыя записи — это не объективное догматическое ученіе Православной Церкви, а субъективныя переживанія конкретной человѣческой души, которая не застрахована ни отъ грѣха, ни отъ заблужденій, ни отъ ошибокъ. Безусловнымъ авторитетомъ для Церкви является только Господь и Ея соборный разумъ, чемъ и долъжно провѣрять истинность любыхъ человѣческихъ размышленій и умозаклученій! Кто же утверждаетъ, что кто-либо изъ человѣкъ грѣха не имѣеть, а слѣдовательно и заблуждаться не можетъ, тотъ подпадаетъ подъ анаѹему 128-го Правила святаго помѣстнаго Карѹагенскаго собора.

Не стоитъ забывать и то, что дневники рѣдко пишутся для стороннего читателя, скорѣе они служатъ въ помощь самому ихъ автору. Недаромъ, не все то, что записано въ дневникѣ стоитъ предавать широкой публичной огласкѣ. Бываютъ въ дневникахъ мѣста интимныя и даже соблазнительныя для посторонняго чтенія. Между прочимъ, это относится и къ дневникамъ праведнаго отца Іоанна. Въ его дневникахъ достаточно мѣсть, мягко скажемъ, неоднозначныхъ, вовсѣ не подлежащихъ широкой публикаціи. Такія мѣста, и это совершенно справѣдливо, извѣстны лишь узкому кругу специалистовъ и тѣмъ, кто пристально интересуется творчествомъ о. Іоанна Кронштадтскаго.⁴⁴ Тѣ же дневниковыя замѣтки, которыя были опубликованы въ началѣ XX-го вѣка и, слѣдовательно, прошли духовную цензуру, выражены, въ основномъ, психологическимъ или символическимъ языкомъ. И служатъ онѣ для укрепления вѣры души человѣческой въ несомнѣнность тѣхъ истинныхъ переживаній въ разговорѣ съ Богомъ, которыя испытываетъ душа во время молитвеннаго Ему предстоянія: будь то предстояніе личное, или общественное — пастырское служеніе предъ Престоломъ Всевышняго. Подтверженіемъ сему служатъ строки самого о. Іоанна, въ которыхъ онъ размышляетъ въ психологическихъ категоріяхъ о словѣ: «Въ словѣ — образъ Пр. Троицы, въ словѣ и мысль и слово и духъ. Молясь истинно отъ сердца, чувствуешь, что молишься Духомъ Святымъ: такую теплотою сердечною проникнуты слова, а иногда чувствуешь, что молишься не Духомъ Святымъ, но духомъ лжи: уста говорятъ одно, а сердце чувствуетъ

⁴² Письмо автора книги «На горахъ Кавказа» схимонаха Иларіона на Аѹонъ къ духовнику — іеросхимонаху о. Н. (цит. по: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именовожническая ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 28).

⁴³ Гал. 1, 8.

⁴⁴ См., напр.: Киценко Н. Святой нашего времени: отецъ Іоанн Кронштадтскій и русский народ. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

другое, часто совсѣмъ противное; напр. выговариваешь слова съ сомнѣніемъ, въ духѣ нетерпѣнія, негодованія на кого-либо, злобы, или въ духѣ гордости, киченія, непризнанія себя тѣмъ, чѣмъ должно признавать»⁴⁵.

Къ мѣсту, какъ думается, будутъ здѣсь и слова св. прав. отца нашего Іоанна, которыя совершенно подтверждаютъ сказанное ранее нами о томъ, что слѣдуя традиціи библейскаго символизма, подъ выраженіемъ «имя Божіе», «имя Господне» и т. п., въ особенности для тѣхъ, кто призываетъ эти всесвятыя и пречистыя имена въ молитвѣ, необходимо понимать не отвлеченное понятіе *имени*, а Самого Бога и Господа. «Молящійся! — восклицаетъ о. Іоаннъ, — имя Господа, или Богоматери, или Ангела, или святаго, да будетъ тебѣ вмѣсто Самого Господа, Богоматери, Ангела или святаго; близость слова твоего къ твоему сердцу да будетъ залогомъ и показаніемъ близости къ твоему сердцу Самого Господа, Пречистой Дѣвы, Ангела или святаго. — Имя Господа есть Самъ Господь — Духъ вездѣ сый и все наполняющій; имя Богоматери есть Сама Богоматерь, имя Ангела — Ангель, святаго — святой».⁴⁶

Такимъ образомъ, послѣдователямъ о. Иларіона (Домрачева), о. Антонія (Булатовича), о. Давида (Мухранова) и проч. «имяславцевъ» не стоить, повторяемъ, выдергивать отдѣльныя цитаты изъ молитвенныхъ размышленій правѣднаго отца Іоанна внѣ основного текста, лукаво прикрывая свое неправомысліе непререкаемымъ авторитетомъ православной догматики и святостью правѣднаго пастыря, вслѣдъ за недобросовѣстными лжеучителями новыхъ догматовъ, доселе неизвѣстныхъ Церкви Христовой. И если бы отецъ Иларіонъ самоувѣренно не заявлялъ о новоизмышленномъ имъ догматѣ, а смиренно бы оставался въ своихъ строкахъ вѣрнымъ изначально выбранному имъ языку человѣческой души (психологическому, а не догматическому!), ищущей молитвеннаго единенія съ Богомъ, то возможно и не было бы никакой смуты и тѣхъ тяжелѣйшихъ послѣдствій, какія внесла она въ православное общество, и берeditъ и раскалываетъ его до сихъ поръ.

– IV –

Для лучшаго пониманія конфликта новоизмышленнаго догмата съ православнымъ ученіемъ приведемъ мнѣніе аѳонскаго инока Хрвсанѳа, какъ самое, на нашъ взглядъ, показательное, которое было высказано имъ въ критической статьѣ на спорные взгляды на имя Божіе изъ книги схим. Иларіона (Домрачева) «На горахъ Кавказа», подавшей поводъ къ аѳонскому бунту. «...Имена, произносимыя въ молитвѣ Иисусовой, суть посредствующія ума и сердца нашего къ Самому Господу Иисусу Христу, и о Немъ только должно имѣть въ памяти, при твореніи молитвы, и у Него Единого просить милости, и какую при этомъ получаемъ помощь, то отъ Самого Господа, но никакъ не отъ произносимаго Его имени. И по сей только посредствующей причинѣ, эти имена достойны соотвѣтственнаго ихъ значенія, возвеличенія и прославленія ихъ, ибо какъ только кто произноситъ ихъ въ молитвѣ, то и вспоминается Спаситель; и тогда весь умъ и

⁴⁵ Іоаннъ Кронштадтскій. Моя жизнь во Христвѣ. Т. 2. Репринтъ. М.: Международный православный фонд «Благовест», 1998. С. 155.

⁴⁶ Іоаннъ Кронштадтскій. Моя жизнь во Христвѣ. Т.2. Репринтъ. М.: Международный православный фонд «Благовест», 1998. С. 237-238.

сердце у молящогося обращается къ Нему, а не то, чтобы останавливаться только на одномъ имени Его. И сіи имена для насъ прелюбезны и сладчайшія, ибо при благоговѣйномъ произнесеніи ихъ въ молитвѣ получаемъ сердечное умиленіе и благодатную помощь отъ Господа. И устное произнесеніе имени Господа Иисуса Христа устрашаетъ демоновъ. И это имя, будучи свято само по себѣ, освящаетъ наши уста и все насъ окружающее. А чтобы по мнѣнію о. Иларіона *обоготворять* эти имена, то это большое заблужденіе». ⁴⁷ Далѣе авторъ настаиваетъ на томъ, что сливать Божество и человѣчество Господа Иисуса нельзя: «...Можно ли приписывать этому имени при совершеніи молитвы обоготворяющее значеніе, *сливать оное съ Божествомъ и давать ему значеніе, равносильное Самому Богу*, а черезъ это выходитъ, что въ одномъ лицѣ Сына Божія высказываются два Бога: одно самое существо Его, а другое — нареченное Ему при воплощеніи на землѣ имя Иисусъ» ⁴⁸, — замѣчая при этомъ, что «свойственное и подобающее одной только Божественной природѣ усвоить не имѣющей сей природы — это верхъ безумія и нечестія». ⁴⁹ Это замечаніе инока Хрвсанѳа совершенно согласно съ мнѣніемъ святыхъ отцевъ! Дѣйствительно, любое человѣческое понятіе, включая понятіе о Богѣ, ограничено. А что какъ не *понятіе* есть именованіе чего или кого-либо, даже и Бога?! «Не говорю еще о томъ, что Божество необходимо будетъ ограничено, если Оно постигнется мыслию. Ибо и понятіе есть видъ ограниченія» ⁵⁰, — прямо заявляетъ свт. Григорій Богословъ. И если имя Божіе есть понятіе о Богѣ, а *понятіе есть видъ ограниченія* безграничнаго Божества, то называя имя Божіе Богомъ, мы ограничиваемъ Божество, что совершенно неправомѣрно!

Отвѣчая на доводъ «Святогорца», защищавшаго ученіе о имени Божіемъ цитатами изъ твореній правѣднаго отца Іоанна Кронштадтскаго ⁵¹, тотъ же авторъ вѣрно подчеркиваетъ, что слова о. Іоанна «не дѣлжно понимать въ такомъ выраженномъ буквальномъ смыслѣ», какъ понимаетъ ихъ вышеозначенный «Святогорѣцъ». Вотъ о какихъ словахъ о. Іоанна идетъ рѣчь: «Великія имена: Пресвятая Троица, Отецъ, Сынъ и Святыи Духъ, призванныя съ живою сердечною вѣрою и благоговеніемъ, и воображенныя въ душѣ, суть самъ Богъ и низводятъ въ душу нашу Самого Бога... Когда ты въ сердцѣ говоришь, или произносишь въ слухъ Имя Божіе, или Пресвятыя Троицы, или Господа Саваоѳа, или Господа Иисуса Христа, то въ этомъ имени ты имѣешь все существо Господа: въ Немъ Его благодать, премудрость безпредѣльная, свѣтъ непреступный, всемогущество, неизмѣняемость. Со страхомъ Божіимъ, съ вѣрою и любовію прикасайся мыслями и сердцемъ къ этому Имени... Имя Его Онъ Самъ — Богъ въ трехъ Лицахъ, простое Существо, въ единомъ словѣ изображаемое». И этотъ протестъ инока Хрвсанѳа противъ буквальнаго пониманія словъ правѣднаго пастыря Кронштадтскаго согласенъ со святоотеческимъ словомъ. Указывая не только на святыхъ, но и на унизительныя имена Спасителя, тотъ же великій Богословъ и святитель Григорій, вѣрно замѣчаетъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ «не только дѣлается Іудеемъ, не только принимаетъ на Себя всякія неприличныя Ему и унизительныя наименованія, но, что всего неприличнѣе, называется даже *грѣхомъ* (2 Кор. 5, 21) и *клятвою* (Гал. 3, 13). Хотя не таковъ Онъ на

⁴⁷ Ст. инока Хрвсанѳа въ Сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе Божіе. Ч.І. Харьковъ, 1916. С. 11-12.

⁴⁸ Тамъ же. С. 16.

⁴⁹ Тамъ же.

⁵⁰ Слово 28. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 397.

⁵¹ «Мысли христіанина». С. 46.

самомъ дѣлѣ; однако же именуется»⁵². И что же, если слѣдовать логикѣ буквального пониманія, то и въ сихъ унижительныхъ именованіяхъ, которыми именуется Пречистый Спасъ нашъ, Онъ заключается вѣсь со всемъ своимъ Богочеловѣческимъ естествомъ? Но вѣдь это богохульство, «ибо какъ приписать что-либо унижительное такому Естеству, величіе Котораго, по непредѣльности и безконечности, не можетъ быть изречено собственнымъ именемъ»⁵³?! Обратимъ вниманіе на окончаніе приведенной цитаты из 34-го Слова свт. Григорія Богослова — *величіе Естества Христова не можетъ быть изречено собственнымъ именемъ*; эти слова отчетливо показываютъ, что называя догматическимъ языкомъ само по себѣ любое, даже Божественное имя Господа Иисуса Христа «*Богомъ во всемъ Его невыразимомъ Существомъ*», мы серьезно погрѣшаемъ, ограничивая Божественную природу Спасителя и тѣмъ самымъ унижая Ее.

Инокъ Хрвсанѣ, справѣдливо обращая вниманіе на слова о. Іоанна Кронштадтскаго изъ другаго его сочиненія,⁵⁴ о томъ, что Господь «вѣсь и во всемъ сущемъ, все проходитъ, все наполняетъ Собою» говорить, что да, дѣйствительно такъ, но при этомъ Онъ не сотворяетъ все это сущее богами по существу, «но во всемъ сущемъ Господь пребываетъ не по существу Своему, ибо существо Божіе необъятно и несообщимо; сообщима же только благодать Божія и дѣятельность, какъ учить о семъ святая Церковь».⁵⁵ Таково истинное ученіе православной Церкви. Въ защиту своей мысли авторъ приводитъ свидѣтельство преподобныхъ отцевъ Каллиста и Игнатія изъ Добротолубія, гдѣ говорится, что «молитва, со вниманіемъ и трезвеніемъ совершаемая внутрь сердца, безъ всякой другой мысли или воображенія какого-либо, словами: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій* невещественно и безгласно воспростираетъ умъ къ Самому призываемому Господу Иисусу Христу»⁵⁶. Говоря иначе, не само по себѣ сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа божественно и всесильно, но таковымъ становится оно лишь при своемъ Господинѣ — Господѣ Иисусѣ Христѣ. Оно неразлучно, но и неслиянно съ Нимъ, какъ и Божество и человѣчество Господа Иисуса. «Ибо равно нечестиво, и соединять съ Савелліемъ, и раздѣлять съ Аріемъ, — соединять относительно къ лицу, раздѣлять относительно къ естеству»⁵⁷ — указываетъ свт. Григорій Богословъ. То-есть требуется сохранять мѣрность въ умозреніи: не раздѣлять, но и не сливать природы Христа. Это же требованіе православной догматики равнымъ образомъ относится и ко всѣмъ лицамъ

⁵² Слово 37. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. 1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 510.

⁵³ Слово 34. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. 1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 496.

⁵⁴ Прот. Іоаннъ Сергіевъ. Моя жизнь во Христѣ. Т. 1. Изд. 5-ое. СПб. С. 129: «Богъ есть Духъ, простое Существо. А духъ чѣмъ проявляетъ себя? Мыслию, словомъ и дѣломъ. Поэтому Богъ, какъ простое Существо, не состоитъ изъ ряда, или изъ множества мыслей, или множества словъ или твореній, но Онъ весь въ одной простой мысли — Богъ-Троица, или въ одномъ простомъ словѣ — Троица, или въ трехъ Лицахъ, соединенныхъ во едино. Но Онъ же весь и во всемъ сущемъ, все проходитъ, все наполняетъ Собою. Напримѣръ, вы читаете молитву, и Онъ весь въ каждомъ словѣ, какъ святой Огнь, проникаетъ каждое слово: — каждый самъ это можетъ испытать, если будетъ молиться искренно, усердно, съ вѣрою и любовію. Но особенно, Онъ весь въ принадлежащихъ Ему именахъ: Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, или Троица; или Господь, Господи Боже; Господь Саваоѣ; Господи Иисусе Христе, Сыне Божій; Душе Святой; Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины и прочихъ именахъ Своихъ». Прот. Іоаннъ Сергіевъ. Моя жизнь во Христѣ. Т. 2. Изд. 5-ое. СПб. С. 194: «Богъ во святыхъ почиваетъ и въ самомъ имени ихъ, и въ самомъ изображеніи ихъ».

⁵⁵ Ст. аѳонскаго инока Хрвсанѣа въ Сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіи ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 18.

⁵⁶ Инокъ Каллиста и Игнатія Ксанѣопуловъ Наставленія безмолвствующимъ въ сотнѣ главъ. Гл. 48. Добротолубіе въ русскомъ переводѣ свт. Ѳеофана затв. Вышенскаго. М.: Сибирская благовонница, 2014. С. 330.

⁵⁷ Слово 31. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. 1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 461.

Пресвятой Троицы. Такъ, когда свт. Григорій говоритъ о Духѣ Святомъ, то прямо указываетъ на необходимость различенія личныхъ Трѣичныхъ свойствъ, *чтобы не произошло слитности въ Божество*: «Чего великаго и возможнаго единому Богу не можетъ совершить Духъ? И изъ именъ Божіихъ какими не именуется Онъ, кромѣ нерожденности и рожденія? Но сіи свойства должны были оставаться при Отцѣ и Сынѣ, чтобъ не произошло слитности въ Божество, Которое приводитъ въ устройство какъ все прочѣе, такъ и самое нестроеніе»⁵⁸.

Такимъ образомъ, не имя есть господинъ Господа своего, а Господь есть всецѣлый Господинъ и Своего имени и всего сущаго, *имже вся быша*⁵⁹. «Кто же при твореніи Иисусовой молитвы, произносимому въ ней имени Иисуса придаетъ обоготворяющее значеніе, то сіе происходитъ, какъ полагаю, по той причинѣ, что когда онъ во время сей молитвы получить сердечное умиленіе, то при этомъ ему представляется, что это происходитъ отъ дѣйствія постоянно произносимаго имъ имени Иисусъ, и поэтому оное ему кажется неразрывно слитымъ съ самимъ существомъ Божіимъ. Но въ этомъ случаѣ богословскій умъ требуетъ строгаго отдѣленія всего тварнаго отъ самаго существа Божія, о которомъ великіе богословы высказали слѣдующее опредѣленіе. Св. Діонисій Ареопагитъ говоритъ: “Не можно Бога изглаголатъ или умомъ постигнуть... Нѣтъ для Него ни слова, ни имени, ниже названія” (Таинствен. Богосл. гл. V.). И св. Григорій Богословъ говоритъ: “Богъ есть Свѣтъ краснѣйшій, несказанный, ни умомъ непостижимый, ни словомъ изрекаемый”. Съ Божескимъ естествомъ нельзя даже сливать человѣческое естество, принятое Сыномъ Божіимъ по воплощеніи, а только оно соединяется въ одномъ лицѣ Его; кто же оное сливаетъ, то св. Церковь таковыхъ предаетъ анаѳемѣ. А тѣмъ болѣе нельзя сливать съ Божескимъ естествомъ имя Иисусъ, которое относится къ человѣческому естеству Богочеловѣка, какъ нареченное Ему при его рожденіи»⁶⁰ — замѣчаетъ инокъ Хрвсанѣ.

Если же имени Божію самому по себѣ приписывать божественную силу, то такое намѣреніе сродни будетъ магіи или, говоря мягче, суевѣрію въ то, что многократное словесное или мысленное повтореніе этого святаго имени усваиваетъ тому, кто его произноситъ ту божественную силу, которая принадлежитъ Именуемому; и независимо отъ вѣры, пониманія, смиренія, чистоты ума и сердца произносящего священное имя Божіе, механически соединяетъ его съ именуемымъ Богомъ. Несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ «имяславцевъ», съ которыми намъ приходилось бесѣдовать, въ томъ, что они не отдѣляютъ имени Божія отъ самого Бога, и что само по себѣ имя Божіе не воспринимается ими какъ самостоятельный атрибутъ, надѣленный Божественной силой, однако, основной пропагандистъ «имяславскихъ» взглядовъ іеросхим. Антоній (Булатович), а вмѣстѣ съ нимъ и его послѣдователи думали иначе: «...Но если Имя Божіе, какъ то исповѣдуетъ Феофилакт Болгарскій, есть Бог, то оно, хотя и недостойно призванное, совершаетъ таинство присущею Ему Божественною силою»⁶¹, — утверждаетъ Булатовичъ въ своей *Апологии*, подстраивая подъ свое мнѣніе цитату изъ свт. Феофилакта. И не единожды утверждаетъ, что именно *слова Имени Божія совершаютъ таинство*:

⁵⁸ Тамъ же. С. 459-460.

⁵⁹ Нікео-Цареградскій Символь Вѣры.

⁶⁰ Ст. аѳонскаго инока Хрвсанѣа въ Сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіи ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 21-22.

⁶¹ Цит. согл.: Г. Баловленков. «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу». М.: «Наука», 2010. С. 57.

«Думаем, что и христианам невозможно спокойно и уверенно приступать к каким-либо таинствам без веры в то, что слова Имени Божия и молитвы, независимо от достоинства священника, совершают таинство»⁶². И этим самым утверждением вступает о. Антоній въ существенное противоречіе с православнымъ ученіемъ.

«Господь ясно показываетъ, что не всѣ, произносящіе имя Христово, бываютъ услышаны, не всѣ чрезъ произношеніе могутъ получить сколько-нибудь благодати»⁶³, — пишетъ въ своемъ письмѣ къ свт. Кипріану Карфагенскому епископъ Фирмилианъ Кесарійскій, подтверждая тѣмъ самымъ, что не всѣ произносящіе имя Божіе *бываютъ услышаны и получаютъ благодать*, то-есть силу Божію. Самъ же священномученикъ Кипріанъ епископъ Карфагенскій пишетъ такъ: «Самъ Христосъ ясно говоритъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ Царствіе Небесное* (Матѹ. 7, 21), и въ другомъ мѣстѣ, дабы кто не былъ обманутъ лжепророками и лжехристами именемъ Его, предувѣдомляя и предостерегая отъ этого, *мнози, говоритъ, придутъ во имя Мое, глаголюще, яко Азъ есмь: и мнози прельстятъ* (Мк. 13, 6), и послѣ сего присовокупляетъ: *вы же блюдитесь: се прежде рѣхъ вамъ вся* (Мк. 13, 23). Изъ этого видно, что принимать и усвоить надобно не то, что хвалится именемъ Христовымъ, но то, что совершается въ истинѣ Христовой».⁶⁴

Свое еретическое утвержденіе о томъ, что «всякое Имя Божіе, как истина Богооткровенная — есть Сам Бог, и Бог в них пребывает всем существом Своим, по неотдѣлимости существа Его от действия Его»⁶⁵, А. Булатовичъ впослѣдствіи былъ вынужденъ измѣнить: «именуя Имя Божіе и Имя Іисусово: Богом и Самим Богом, я чужд, как почитанія Имени Божіе за сущность Его, так и почитанія Имени Божія отдельно от Самого Бога, как какое-то особое Божество, так и обоженія самих букв и звуков и случайныхъ мыслей о Боге»⁶⁶. На первый взглядъ, такое мнѣніе кажется вполне православнымъ, но если присмотреться внимательнѣе, то мы замѣтимъ въ немъ логическое противоречіе. Если почитаніе Имени Божія неотдѣлимо отъ почитанія Самого Бога, — это та самая библейская традиція, о которой мы говорили выше, — и если при этомъ нельзя почитать Имя Божіе за Божественную сущность, то зачѣмъ прежде этихъ оговорокъ настаивать на томъ, чтобы именовать *Имя Божіе и Имя Іисусово: Богомъ и Самимъ Богомъ*? Вѣдь Самъ Богъ безусловно содержитъ въ Себѣ Божественную сущность, а имя Его — нѣтъ. Тогда ужъ именууй и почитай Бога и всесвятое имя Его единосмысленно, безо всякой двойственности, не раздѣляя и не сливая съ именемъ Божіимъ Самого Божества, какъ это дѣлаетъ вся Православная Церковь! Зачѣмъ же искривляешь прямое пониманіе и вводишь лукавую двусмысленность въ единое истинной вѣры Христовой? Не имя есть Богъ, а Тотъ, кто именуется этимъ святымъ именемъ въ собственномъ смыслѣ есть Богъ! «Наше ученіе таково: какъ для коня, вола, человѣка и для каждой вещи одного рода одно есть понятіе, и что подходитъ подъ сіе понятіе, о томъ оно скажется въ собственномъ смыслѣ, а что не подходитъ, о томъ или не

⁶² Тамъ же. С. 58.

⁶³ Письмо Фирмилиана, епископа Кесаріи Каппадокійскія, Кипріану Карфагенскому. Цит. по: Библиотека отцов и учителей Церкви //Творения священномученика Киприана епископа Карфагенского. Под ред. проф. А.И. Сидорова. М.: «Паломник», 1988. С. 656.

⁶⁴ Письмо къ Юбаяну о крещеніи еретиковъ. Цит. по: Библиотека отцов и учителей Церкви //Творения священномученика Киприана епископа Карфагенского. Под ред. проф. А.И. Сидорова. М.: «Паломник», 1988. С. 624.

⁶⁵ Цит. по: Г. Баловленков. «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу». М.: «Наука», 2010. С. 53.

⁶⁶ Цит. согл.: Имяславіе. Томъ IV. Сост. Инокъ Епафродитъ. М.: «Чеховский печатный дворъ», 2014. С. 704.

скажется, или скажется несобственно; такъ одна есть Божія сущность, одно Божіе естество, одно Божіе именованіе (хотя имена и различаются вслѣдствіе различныхъ нѣкоторыхъ умопредставленій), и что въ собственномъ смыслѣ именуется Богомъ, то дѣйствительно есть Богъ; а равно, что по естеству есть Богъ, то истинно именуется Богомъ; если только истина состоитъ у насъ не въ именахъ, а въ вещахъ»⁶⁷, — признаемъ мы вмѣстѣ со всей Православной Церковью и великимъ Богословомъ и Святителемъ Ея Григоріемъ.

Но именно эта, очень вѣроятно, что намѣренная, двусмысленность и кривизна православной логики въ утвержденіяхъ Булатовича послужила не къ примиренію, а къ дальнейшему развитію еретическихъ взглядовъ послѣдователей «имяславія». Такъ, уже послѣ осужденія своего Православной церковью, въ своемъ «Исповеданіи веры во Имя Божіе афонскихъ изгнанниковъ» отъ 2 апрѣля 1913 г., въ п.4 «имяславцы» указываютъ: «Исповедую, что Имя Иисус, вследствие присутствія в Нем Божества, всесильно творить чудеса и знаменія и спасаетъ призывающихъ и надеющихся на Него; и что чудо исцеленія хромого ап. Петромъ, вопреки незаконному ученію инока Хрисанфа и подобныхъ ему (журн. “Русскій Инокъ” — рецензія), соделалось Божественною силою Имени Господня, какъ онъ и самъ (ап. Петр) исповедалъ сие (Дѣян. 3, 16)»⁶⁸. Въ поясненіи къ сему «Исповеданію» въ п.6 «афонскіе изгнанники» пишутъ: «Отрицаюсь я техъ, кои Имя Иисус не считаютъ Богомъ и считаютъ меньшимъ прочихъ Именъ Божиихъ, и что оно аки бы не предвечно, но лишь не столь давно наречено Ангеломъ»⁶⁹. Отрицаются они, выходятъ и того, кто сказалъ Богодухновенными устами своими: «Ибо, по изреченію Святаго Духа, Богъ нашъ *любъ есть* (1 Іоан. 4, 8), и наименованіе сие благоугоднѣ Богу всякаго другаго имени»⁷⁰. И эти же святительскія уста съ горечью обличали еще въ свое время тѣхъ, кто исповѣдовалъ *голое имя*, а не Единаго въ Трехъ Лицахъ Именуемаго: «Напротивъ того (что страшно и вымолвить), вмѣсто одного Христа явились многіе... также и многіе Духи, несозданный, и равночестный, тварь, дѣйствованіе, и голое имя»⁷¹. Пусть отрицаются неразумные того, о чемъ они не вѣдаютъ, мы же обратимъ вниманіе въ толкованіи блаж. Теофилакта о чудѣ исцѣленія хромого апостоломъ Петромъ на слѣдующія слова: «Это значить: хромымъ твердо стали на ноги, увѣровавъ во имя Христово. Еще прежде чѣмъ онъ увѣровалъ, имя Христово, бывъ призвано, уже утвердило его. Такую великую имѣетъ оно силу и столько источаетъ благодатныхъ даровъ. “И вѣра, которая отъ Него”. А что это за вѣра, Господь самъ объясняетъ такъ: “Да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа” (Іоан. 17, 3). Чтобы не сказалъ кто-нибудь: если такимъ образомъ одно призваніе имени Его “утверди” (*ц.-сл.*), то-есть укрѣпило хромого, то исцѣленіе не менѣе скоро послѣдуетъ, хотя бы и невѣрный призвалъ имя Его и хотя бы призвалъ это имя для исцѣленія человѣка также невѣрующаго, — итакъ, чтобы не сказалъ кто-нибудь этого, онъ (Петръ) прибавилъ: “и вѣра, которая отъ Него”, то-есть: хотя велико и страшно имя это, и хотя оно источаетъ исцѣленія, но для этого нужно, чтобы души исцѣляемыхъ были достойны такой милости и чтобы молитвенники, предстательствующіе

⁶⁷ Слово 29. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 422.

⁶⁸ Цит. по: Имяславіе. Том I. Сост. Прот. Константин Борщ. М., 2003. С. 530.

⁶⁹ Тамъ же. С. 537.

⁷⁰ Слово 23. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 338.

⁷¹ Слово 32. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 465.

за нихъ, были способны умилоствити Дарователя исцѣлений»⁷². Такимъ образомъ изъ этого толкованія очевидно, что не *голое* имя Исусово, призванное апостоломъ Петромъ, исцѣлило хромого, а самъ *Дарователь исцѣлений* Господь Исусъ Христосъ.

Но вернемся къ рецензії инока Хрвсанѳа. Разбирая евангельскія цитаты, приводимыя «Святогорцемъ» въ защиту своего мнѣнія, авторъ съ очевидной ясностью показываетъ, что цитаты эти относятся не къ **дѣйствию** имени Господа нашего Исуса Христа, а къ **Нему самому**, дѣйствующему силою Божіей. Самъ Господь Исусъ Христосъ творитъ чудеса не силою сотвореннаго человѣчества Своего, а силою нетварнаго Своего Божества! Именно такъ учитъ Православная Церковь: «Такъ и въ отношеніи къ Господу нашему Исусу Христу сила чудотвореній была дѣйствованіемъ Его Божества. Дѣла же рукъ и то, что Онъ восхотѣлъ и сказалъ: *хощу, очистися* (Мф. 8, 3), – было дѣйствованіемъ Его человѣчества».⁷³

Наконецъ, утвержденію «Святогорца» о томъ, что имя Господа изгоняетъ бѣсовъ, авторъ противопоставляетъ слова самого Господа Исуса: *Азь о Дусть Божіи изгону бѣсы* (Мф. 12, 28), «т.е. всемогущею божественною силою или властію, а не то, чтобы собственно только призваніемъ имени Его Исусъ, и съ присвоеніемъ оному самобытной божественной силы»⁷⁴. Такъ же и ученики Господа изгоняли бѣсовъ силою Божіей, дарованной имъ отъ Спасителя, а не самимъ по себѣ именованіемъ Спасителя, простымъ звукомъ имени Его. Болѣе того, само имя Исусъ Христосъ внѣ силы Его божественной, подаваемой посредствомъ вѣры въ Него⁷⁵, лишь раздражаетъ и озлобляетъ силу бѣсовскую, а не изгоняетъ ее. Примѣромъ сего можетъ служить исторія съ сыновьями нѣкоего іудейскаго первосвященника: «Даже нѣкоторые изъ скитающихся Иудейскихъ заклинателей стали употреблять надъ имѣющими злыхъ духовъ имя Господа Исуса, говоря: заклинаемъ васъ Исусомъ, Котораго Павелъ проповѣдуетъ. Это дѣлали какие-то семь сыновъ Іудейскаго первосвященника Скевы. Но злой духъ сказалъ въ отвѣтъ: Исуса знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ, а вы кто? И бросился на нихъ человѣкъ, въ которомъ былъ злой духъ, и, одолѣвъ ихъ, взялъ надъ ними такую силу, что они, нагіе и избитые, выбѣжали изъ того дома. Это сдѣлалось извѣстно всѣмъ живущимъ въ Ефесѣ Іудеямъ и Еллинамъ, и напалъ страхъ на всѣхъ ихъ, и величаемо было имя Господа Исуса»⁷⁶. Обратимъ вниманіе на послѣдній 17-й стихъ — «величаемо было имя Господа Исуса». Разумно ли будетъ утверждать, исходя изъ контекста даннаго повѣствованія, что подъ именемъ Господа Исуса понимается просто величаніе *голаго* имени Его, а не Его Самого, именуемаго симъ именемъ? Вѣдь именно за пустое, безвѣрное и формальное произнесеніе имени Спасителя и пострадали сыновья Скевы!

– V –

Наконецъ, требуется внести ясность въ вопросъ, какимъ образомъ совершается дѣйствованіе благодати при призываніи имени Господа Исуса Христа: механически или

⁷² Новый Завѣтъ съ толкованіемъ блж. Теофилакта Болгарскаго. – Т.4. Толкованіе на Дѣянія святыхъ апостоловъ, гл.3. М.: «Ковчег», 2007. С. 85-86.

⁷³ Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Благовест, 2014. С. 296.

⁷⁴ Ст. аѳонскаго инока Хрвсанѳа въ Сборникъ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе божественная ересь. Ч.І. Харьковъ, 1916. С. 23.

⁷⁵ См. Толкованіе блаж. Теофилакта Болгарскаго на Дѣянія Апостольскія гл. 19, ст. 13-17.

⁷⁶ Дѣян. 19, 13-17.

какъ-то иначе? Въ пониманіи имяславцевъ при произнесеніи имени Господа Иисуса сила этого всесвятаго имени дѣйствуетъ независимо отъ произносящего, какъ бы сама по себѣ, что и дѣлаетъ, собственно, изъ имяславцевъ *именобожниковъ*, какъ ихъ называлъ митр. Антоній (Храповицкій). Такое механическое (читай — магическое) или буквальное пониманіе дѣйствования имени Господа вполне вытекаетъ изъ ихъ логики. Подобное же пониманіе характерно и для талмудическаго іудаизма. Въ чемъ укоряетъ буквалистовъ и свт. Григорій Богословъ, подчеркивая существенное различіе между дѣйствованиями (энергіями) Божіими и ихъ тѣлеснымъ (тварнымъ) именованіемъ: «А Божество ни въ чемъ такъ не упокоевается, какъ во Святыхъ. Быстродвижность названа у насъ летаніемъ, смотрѣніе наименовано лицемъ, даваніе и пріятіе — рукою. А также всякая другая Божія сила и всякое другое Божіе дѣйствіе изображены у насъ чѣмъ-либо взятымъ съ тѣлеснаго... А когда столько разности между именами и именуемыми; для чего ты такъ много раболѣпствуешь буквѣ и предаешься Іудейской мудрости, гоняясь за слогами и оставляя вещь?»⁷⁷. Между прочимъ этими же самыми словами свт. Григорій подтверждаетъ, что именованіе всякой Божіей силы и всякаго Божіяго дѣйствія взято изъ тѣлеснаго, тварнаго языка. А разъ всякое именованіе тварно, оно никакъ не можетъ быть нетварнымъ дѣйствіемъ Божіимъ, а лишь именуетъ его.

Если же утверждать, что имя Господа Иисуса или любое другое имя Божіе не просто указываетъ на Самого Господа, а само по себѣ и есть Онъ Самъ во всемъ Своемъ Существовѣ, напрашивается закономѣрный такому утверженію выводъ: *имя Всемогущаго Бога есть Сам Всемогущій Богъ*. Слѣдовательно, всемогущее имя Божіе являетъ свое всемогущество для всѣхъ, причастныхъ этому имени. Какимъ же образомъ причастныхъ? Либо посредствомъ вѣры во всемогущество Бога, имя Котораго призываютъ, либо посредствомъ вѣры въ силу (могущество) самого имени Божія, чрезъ его произнесеніе-обозначеніе словомъ ли, умомъ ли, начертаніемъ, изображеніемъ, прочимъ символомъ... Въ этомъ послѣднемъ случае призывающій имя Божіе черезъ его произнесеніе-обозначеніе вѣритъ, что имѣетъ въ этомъ имени всего Бога во всемъ Его Существовѣ и, произнося-обозначая это имя, становится причастнымъ Божеству; всему Божеству, повторимся, во всемъ Его Существовѣ, включая и Его Божественныя свойства, такія какъ: абсолютность, всевѣденіе, вездесущіе, нетварность и проч. Такъ что же, тварь стала причастна нетварности Творца? Ограниченность стала являть безграничность Абсолюта? Неразуміе и несовершенство заявило о своемъ всевѣденіи и всесовершенствѣ? Да не будетъ подобнаго абсурда ни въ словахъ, ни въ помышленіяхъ нашихъ!

Тогда остается избрать первое положеніе — о причастности къ Богу тѣхъ, кто призывая всесвятое имя Его, вѣруетъ въ Самого Бога, именуемаго этимъ всесвятымъ именемъ. Но опять же не всѣхъ! Недостаточно быть вѣрующимъ, надо быть и вѣрнымъ. Вотъ какъ говоритъ свщмч. Кипріанъ Карфагенскій о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ: «Это Богъ нашъ, то-есть не всѣхъ, но Богъ вѣрныхъ и вѣрующихъ...»⁷⁸. Эти слова Святителя опровергають тезисъ именобожниковъ и талмудистовъ о независимомъ (механическомъ) дѣйствованіи имени Божія. Имя Божіе являетъ свою силу лишь вѣрнымъ овцамъ стада Христова. Какъ точно замѣчаетъ свт. Фирмилианъ, «имя Христово можетъ

⁷⁷ Слово 31. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 456.

⁷⁸ Книга о благе терпѣнія (De bono patientiae). Цит. по: Библиотека отцов и учителей Церкви //Творенія священномученика Киприана епископа Карфагенскаго. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: «Паломникъ», 1988. С. 341.

имѣть силу въ одной только Церкви, которой одной Христось предоставилъ власть небесной благодати»⁷⁹. Ни чародеи, ни еретики, ни раскольники, ни нераскаянные грѣшники, ни всякіе иные враги Христовы не причастятся Славы Божіей, открываемой въ мѣру для каждого вѣрнаго чада Церкви Христовой чрезъ призываніе великаго и всесвятаго имени Божія. Итакъ, не вѣрой въ имя Божіе само по себѣ, что есть и не вѣра вовсѣ, а суевѣріе, но вѣрой въ Того, Кто именуется именемъ симъ — въ Господа нашего Иисуса Христа, — причащается благодати Божіей (а не Богу во всемъ Его Существовѣ!) призывающей Его всесвятое и достопоклоняемое Имя. Но остается открытымъ вопросъ: какъ же тогда понимать слова Пророка, что *всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется*⁸⁰?

Пророчество сіе совершенно изъяснилъ св. апостоль Петръ Духомъ Святымъ, снишедшимъ въ тотъ часъ на апостоловъ Христовыхъ. Съ 22-го по 36-й стихъ раскрываетъ Апостоль, о комъ говорилъ пророкъ Іоиль. И эти богодухновенныя слова Апостола ясно и опредѣленно свидѣтельствуютъ не о имени Господнемъ самомъ по себѣ, а о Самомъ Господѣ Иисусѣ Христѣ. «Итакъ твердо знай, вѣсь домъ Израилевъ, что Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ Сего Иисуса, Котораго вы распяли»⁸¹, — вотъ Кого надлежитъ призывать и Кемъ надлежитъ спасаться!

Спустя значительное время послѣ этого событія — сошествія Святаго Духа на апостоловъ, — св. ап. Павелъ подтвердитъ и дополнитъ слова апостола Петра въ своемъ Посланіи къ Филиппійцамъ: *посему и Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени*⁸². Этой фразой апостола Павла, словно знаменемъ, полощутъ ревнители именованія въ защиту своего зломыслия. Но посмотримъ, найдется ли въ ней подтвержденіе ихъ неправдѣ? «Богъ Отецъ повелелъ чтить Своего Сына, — говоритъ священномученикъ Кипріанъ Карфагенскій, — и апостоль Павелъ, помня Божественную заповѣдь, излагаетъ это слѣдующимъ образомъ: *Богъ его превознесе и дарова ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ*. И въ Апокалипсисѣ Ангель Господень остановилъ Іоанна, когда тотъ хотель воздать ему Божеское поклоненіе, говоря: *виждь, ни: (не дѣлай сего) клеветь бо твой есмь и братіи твоя пророковъ и соблюдающихъ словеса книги сея: Богу поклонися* (Апок. 22, 9). Вотъ каковъ Господь Иисусъ!»⁸³ Изъ этихъ словъ Святителя совершенно ясно слѣдуетъ, что подъ выраженіемъ «имя Иисусово» Апостоль разумеетъ самого Сына Божія, Котораго Богъ Отецъ повелелъ чтить. Безспорно, что и всесвятое имя Иисусово, какъ и любое имя Божіе (напримѣръ, *Святый Израилевъ*⁸⁴), достойно всяческаго почитанія и благоговенія, но не Божескаго поклоненія, предназначеннаго не имени самому по себѣ, а лишь Самому именуемому Единому въ Троицѣ славимому Богу Отцу и Сыну и Святому Духу!

⁷⁹ Письмо Фирмилиана, епископа Кесаріи Каппадокійскія, Кипріану Карфагенскому. Цит. по: Библиотека отцов и учителей Церкви //Творения священномученика Киприана епископа Карфагенского. Под ред. проф. А.И. Сидорова. М.: «Паломник», 1988. С. 661.

⁸⁰ Іоил. 2, 32.

⁸¹ Дѣян. 2, 36.

⁸² Флп. 2, 9.

⁸³ Книга о благе терпения (De bono patientiae). Цит. по: Библиотека отцов и учителей Церкви //Творения священномученика Киприана епископа Карфагенского. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: «Паломник», 1988. С. 341.

⁸⁴ 1 Цар. 15, 29 (ц.-сл. текстъ).

Имя Божіе является умозрительнымъ образомъ Самого Господа, — въ своемъ родѣ иконой, символомъ, священной нитью, связующей вѣрнаго раба Божія съ самимъ Творцомъ всяческихъ. Почему мы уточняемъ — «въ своемъ родѣ»? Потому что имя Божіе въ то же время не есть просто символъ или словесная икона Божія, но болѣе ихъ. Оно одухотворено и освящено благодатью Божіей не чрезъ посредство твари, призывающей эту благодать, какъ это бываетъ съ иконой или другимъ освящаемымъ священнослужителемъ предметомъ, а освящается непосредственно благодатью Именуемаго. Яркимъ примѣромъ сего можетъ являться Животворящій Крестъ Господень, освященный страданіями Спасителя нашего, и Живоносный Гробъ Его и Пелены гробныя и нерукотворный образъ Его пречистаго Лица. Такъ, и само Имя Его Богочеловѣчества освящено Имъ Самимъ — сладчайшимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Но при этомъ оно, это Имя, не сущностное и не личностное, не образное и не символическое. Оно — дѣйственное, ибо именуется дѣйствіе Божіе. «Имя Божіе является ли сущностнымъ, личностнымъ, символическимъ или метафорическимъ?», — вопрошаетъ святитель Василій Великій. И отвѣчаетъ: «Ясно, что оно есть дѣйственное, ибо оно не обнаруживаетъ для насъ сущность Божію (вѣдь познать ея невозможно), но [имя] “Богъ” являетъ намъ только доступное созерцанію дѣйствіе Его»⁸⁵. Обратимъ вниманіе въ этомъ словѣ Святителя на то, что **имя *Богъ*, а слѣдовательно и любое другое имя Божіе не есть дѣйствіе Божіе**, какъ несправѣдливо утверждаютъ послѣдователи «имяславія», включая такихъ мыслителей какъ о. Павелъ Флоренскій, А. Ф. Лосевъ, философъ Эрнъ и другіе, а имя Божіе только *являетъ* намъ, то-есть твари, дѣйствіе Божества, и при томъ лишь ограниченнымъ образомъ, такимъ, какое только доступно тварному созерцанію.

И только для вѣрующего во Христа Спасителя и вѣрнаго Ему въ Вѣрѣ и въ Заповѣдяхъ открывается чрезъ великое и чудное имя свое Самъ Господь. «О, имя сладчайшее, имя святѣйшее, имя всемогущее, имя Господа нашего Иисуса Христа! Побѣда моя, Господи, слава Тебѣ! Господи, мы члены Твои, мы едино тѣло, Ты — Глава нашъ»⁸⁶ — такъ восклицаетъ святой правѣдный Іоаннъ Кронштадтскій, такъ восклицаетъ вмѣстѣ съ нимъ святая Церковь Христова. Созерцая сей образъ — имя Божіе — боголюбивымъ, смиреннымъ и вѣрующимъ сердцемъ и умомъ, вѣрный рабъ Христовъ, сдѣлавшійся по благодати причастникомъ славы Его, восходитъ къ Первообразу, незримо соединяясь съ Нимъ таинственною связью настолько, насколько произволяетъ сему Самъ Первообразъ. Таковое созерцательное соединеніе присуще не единственно человѣческой природѣ, но и ангельской. Это общее созерцаніе и поклоненіе Первообразу и роднитъ человѣка-христианина со святымъ ангеломъ, иначе бы не сказала Ангель Господень св. ап. Іоанну Богослову: *клеветъ твой есмь и братіи твоя!*

Итакъ, мы видимъ, что не механически совершается дѣйствіе силы (благодати) Божіей чрезъ призываніе всесвятаго Имени Божія, а произвольно, то-есть согласно волѣ Божіей, обращающейся къ сердцу человѣческому. Одному лишь Творцу извѣстно, что на сердцахъ у Его творенія. Лишь Онъ одинъ способенъ разглядеть вѣру или ея начала въ сотворенной Имъ душѣ и откликнуться на ея призывающую мольбу. А какъ она Его призоветъ, какимъ именемъ, какъ выговоритъ или помыслитъ имя своего Творца, и на

⁸⁵ Прп. Анастасій Синаит. Избранные творения. М.: «Паломникъ», «Сибирская благовонница», 1998. С. 219.

⁸⁶ Іоаннъ Кронштадтскій. Моя жизнь во Христѣ. Т. 2. Репринтъ. М.: Международный православный фонд «Благовестъ», 1998. С. 231.

какомъ языкѣ, — развѣ имѣеть это принципиальное значеніе для Того, Кто прозираеть сокровенное, слышитъ вопль каждой души и понимаетъ на всѣхъ языкахъ?

– VI –

Осевая линія разногласія между «имяславцами» и православными проходитъ, на нашъ взглядъ, въ плоскости человѣческаго воспріятія. Въ данномъ случае рѣчь идетъ о воспріятіи имени Божія. Какъ указываетъ свт. Григорій Богословъ въ одномъ изъ своихъ словъ,⁸⁷ «праги ума» суть «созерцаніе и дѣятельность». И вотъ на этихъ-то «прагахъ» — порогахъ — и разбивается ладья мысли схим. Иларіона, а вслѣдъ за ней и челноки всѣхъ тѣхъ, кто именуеть себя его послѣдователями. Почему? Въ чемъ причина этого трагическаго крушенія? Причина сего видится намъ въ томъ, что перепутаны средства для выраженія воспріятія и созерцанія всесвятаго и достопокланяемаго имени Божія. То-есть были выбраны сомнительныя, нечеткія, а порой и невѣрныя средства въ выраженіи созерцательной дѣятельности ума и сердца.

Созерцаніе понимается нами какъ способность двоякая. Одна ея сторона прилегается къ нашему теоретическому образу мысли, другая же принадлежитъ къ практическому его выраженію. При этомъ разумное, трезвое созерцаніе ни въ коемъ случаѣ не есть воображеніе. Въ такомъ случаѣ практическая сторона нашего образа мысли должна быть способна охватить созерцательный процессъ своимъ личнымъ (субъективнымъ) воспріятіемъ, а теоретическая сторона — разсудить, изложить и объяснить этотъ процессъ себѣ и другимъ.

Стоитъ учитывать и то, что умозрительное или сердечное созерцаніе не подлежитъ законамъ матеріальной природы, соприкосновеніе съ которой для насъ тварныхъ естественно и привычно. Природа такого созерцанія хоть и тварна и противоположна природе нетварной, все же въ отношеніи матеріальнаго міра, несравненно болѣе грубаго и тяжелаго, она духовна. Посему, практическую сторону созерцательнаго процесса не потрогать руками, не ощутить на вкусъ и другими матеріальными чувствами не измѣрить. Такъ какъ же передать ее, коли нѣтъ у насъ подходящихъ для этого внѣшнихъ чувствъ, а духовныя чувства трудно выразимы человѣческимъ языкомъ?

И здѣсь на помощь приходитъ образъ-знакъ-символь, помогающій, хотя бы отчасти выразить умозрительно-сердечное созерцаніе душевно-духовнымъ (психологическимъ) языкомъ, вполнѣ понятнымъ тому, кто имѣлъ подобный созерцательный опытъ. Но это опытъ, напомнимъ, субъективный! Какъ же быть съ возможно болѣе точной передачей практической, но субъективной стороны созерцательнаго процесса? Въ этомъ случаѣ какъ разъ и придется задѣйствовать теоретическую сторону этого процесса. То-есть придется описать его. При этомъ постараться сдѣлать это языкомъ четкимъ, вывѣреннымъ, логически безупречнымъ, не двусмысленнымъ. Для такой задачи уже не подходитъ психологическій языкъ. Здѣсь требуется языкъ догматическій, богословскій. Такой языкъ, который бы заранѣе предупреждалъ и исключалъ всякую неточность въ разсужденіи о Божественномъ, дабы никого не ввести въ заблужденіе, ни уклонить въ ересь или иное нечестіе. Вѣдь рѣчь идетъ о предмѣтахъ тончайшихъ, духовныхъ, часто непостижимыхъ

⁸⁷ Слово 15-е. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. 1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 238.

не только ограниченнымъ человѣческимъ, но и несравнимо болѣе совершеннымъ ангельскимъ умомъ.

Какая же величайшая осторожность должна соблюдаться при подобномъ разсужденіи о Божественномъ, о томъ, что положено внѣ нашего тварнаго міра! И какой же долѣжно имѣть страхъ при прикосновеніи нашей грѣховной ограниченности, тварной немощи и несовершенства къ Невѣдомому, Сущему, Неописуемому Божеству! Но нѣтъ! Съ дерзостью, безумнымъ легкомысліемъ, поразительнымъ невѣжествомъ и горделивой надмѣнностью пускается ограниченный, оскверненный грѣхомъ человѣческій разумъ въ разсужденія о Томъ, о Комъ онъ не имѣетъ никакихъ понятій, кромѣ тѣхъ, что довѣрены ему Матерью Церковью въ Откровеніи Бога о Себѣ Самомъ! Какъ нагло осмѣливается нашъ языкъ — этотъ *огнь, льгота неправды*⁸⁸ — обжигать и оскорблять своимъ суесловіемъ Того, о Комъ надо молчать⁸⁹!

Такъ вотъ для выраженія своихъ духовныхъ молитвенныхъ переживаній и объясненія дѣятельной (практической) стороны созерцанія, схимонахомъ Иларіономъ были использованы средства психологическаго (образно-символическаго) языка, что вполне понятно и объяснимо въ контекстѣ его субъективнаго воспріятія. Но какъ только о. Иларіонъ отходитъ отъ своихъ субъективныхъ чувствованій и переходитъ къ ихъ объективной оцѣнкѣ, тотъ языкъ, которымъ онъ пользовался до того, перестаетъ справляться съ новой задачей. Категоріи прежняго психологическаго языка попросту не подходятъ для выраженія тѣхъ понятій, которыя требуютъ языка иного — догматическаго. Въ результатѣ, происходитъ искаженіе мысли о. Иларіона, болѣе того — ему требуется новый, доселѣ невѣдомый Церкви догматъ о томъ, что въ имени Божіемъ заключается Самъ Богъ во всемъ Своемъ Существовѣ. Тамъ, гдѣ стоило смиренно остановиться и замолчать, крепко держась за спасительный образъ церковнаго свято-отеческаго разсужденія, о. Иларіонъ самоувѣренно бросается въ неизвѣстность, закономѣрно погружаясь въ пучину заблужденія, которое разовьется въ ересь не менѣе самоувѣренными послѣдователями его новоизмышленнаго ученія. Такимъ образомъ, какъ вѣрно замѣчаетъ по этому поводу проф. С. Троицкій, «неуменіе объяснить правильно подмѣченный и описанный психологическій фактъ заставляетъ о. Иларіона создать совершенно еретическую теорію объ имени, какъ о какой-то особой сущности, объединяющей съ Божествомъ такъ же, какъ объединяется съ Нимъ человѣческая природа Христа. <...> Палама утверждаетъ, что ни одно имя нельзя даже отнести къ самой природѣ Божіей, а имяславцы говорятъ, что имя и есть Самъ Богъ! <...> Отсюда и проистекаетъ варлаамитская ересь именовожниковъ, преданная соборной анаѳемѣ 1352 года, которая была изрѣчена противъ тѣхъ, кто не признавалъ “разность Божескаго существа и энергіи”».⁹⁰

– VII –

Итакъ, подведемъ итогъ всему сказанному выше. Православіе различаетъ въ Богѣ непознаваемую Сущность и то, что Ее сопровождаетъ, то-есть Божественныя дѣйствія, отчасти познаваемыя — «Такъ же, какъ и в тварныхъ вещахъ, мы различаемъ в Боге умственнымъ

⁸⁸ Іак. 3, 6.

⁸⁹ См. высказываніе на сей счетъ христіанскаго ритора Арнобія.

⁹⁰ Аѳонская смута. Докладъ проф. С. Троицкаго. (Цит. по: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именовожническая ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 110).

действием Его непознаваемую сущность и то, что ее сопровождает и что не является Его сущностью (Его ипостасные свойства, как нерожденность, или же свойства, общие для Божественной сущности, как нетленность)⁹¹. Въ этомъ смыслѣ «Богъ есть дѣйствующій, Божеству принадлежить дѣйствіе» (Второго Собора 1341 г. постановление I-е), но при томъ «ни одно изъ трехъ Лицъ не есть дѣйствіе» (тамъ же).⁹² Это означаетъ, что ни одно имя Лицъ пресвятой Троицы не выражаетъ Ея Существа, а лишь указываетъ на Ея личныя свойства. «Когда же находишь *имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19); представляй три личныя свойства»⁹³, — говоритъ Свт. Григорій Богословъ. Такимъ образомъ вообще никакого имени Божія нѣльзя отнести къ Существу Божію. А коли такъ, всѣ онѣ относятся исключительно къ дѣйствию Божію. Поэтому другой Святитель Григорій (Палама) вслѣдъ за Отцами въ понятіи *Богъ* проводитъ терминологическое различіе между «*Θεός*» и «*Θεότης*». «Если исходить изъ того положенія, что ни одного имени къ существу Божію отнѣсти нельзя, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ имена, въ т. ч. и Богъ, нужно относить къ Его дѣйствию. Этимъ-то и объясняетъ св. Григорій (Палама) различное значеніе слова Богъ у свв. Отцовъ: у однихъ оно условно означаетъ сущность Божества, у другихъ Его дѣйствіе. Но именно въ виду неустойчивости значенія словъ “Богъ” въ соборныхъ опредѣленіяхъ, требующихъ величайшей точности, и употреблено слово *θεότης*, а не *θεός*».⁹⁴ Понятіе «*Θεότης*» было употребляемо многими отцами (свт. Григорій Богословъ, свт. Андрей Критскій, прп. Іоаннъ Дамаскинъ, прп. Симеонъ Метафрастъ, свт. Василій Великій, свт. Іоаннъ Златоустъ), напримѣръ, въ отношеніи Ѳаворскаго свѣта, то-есть явственнаго проявлѣнія Божественнаго дѣйствія, имеющаго, подчеркнемъ, **нетварную природу**, но не являющагося при этомъ Сущностью Божества. Въ этомъ контекстѣ свт. Григорій (Палама) заявилъ, что «*Θεόν ὑπὲρ ταύτην τὴν θεότητα*» – «Богъ выше Божественности»⁹⁵. Здѣсь требуется поясненіе.

Изъ соборныхъ опредѣленій 1351 г. (см., напр., опред. V-е) намъ извѣстно, что дѣйствія (энергіи) Божіи суть Самъ Богъ, присутствующій въ нихъ во всей Своей полнотѣ. При этомъ такъ же извѣстно, что «энергія сущности нераздѣльна съ сущностью и неслиянна съ нею» (опред. II-е). Исходя изъ данныхъ соборныхъ опредѣленій мы можемъ утверждать, что Сущность («*Θεός*») выше своихъ проявленій-энергій («*Θεότης*») не потому, что въ Божественныхъ дѣйствіяхъ-энергіяхъ выражена какая-то неполнота Божества, а въ Сущности присутствуетъ вся Божественная полнота, да не будет! А въ томъ смыслѣ, что Сущность есть **Причина** Божественныхъ дѣйствій. Потому каждое Лицо Пресвятой Троицы есть Причина Своихъ дѣйствій, а не само дѣйствіе.

Вотъ мы и подошли къ ключевому моменту разногласія. Послѣдователи «имяславія» какъ разъ и утверждаютъ, что въ именахъ Божіихъ присутствуетъ Самъ Богъ во всемъ Своемъ Существѣ, потому что они считаютъ, что имена Божіи это суть Дѣйствія Божіи, а Онѣ, въ свою очередь, суть Самъ Богъ. Православное же ученіе, напротивъ, утверждаетъ, что имена Божіи не суть Дѣйствія Божіи, а именованіе (названіе) или означенность этихъ Дѣйствій или Божественныхъ свойствъ. Такъ свт. Григорій Богословъ говоритъ, что «Отецъ есть имя Божіе не по сущности и не по дѣйствию, но по отношенію, какое имѣютъ

⁹¹ Архіеп. Василій (Кривошеинъ). Проблема познаваемости Бога. Оп. въ: Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в 2 т., том первый: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 1095.

⁹² *Op.cit.*: въ Сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе Божіе. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 122. Прим.

⁹³ Слово 34. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. 1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 498.

⁹⁴ *Op.cit.*: въ Сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе Божіе. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 122. Прим.

⁹⁵ Свт. Григорій Палама. Ист. Аѳона III, 2, 237. *Op.cit.*: въ Сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе Божіе. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 122. Прим.

Отець къ Сыну, или Сынъ къ Отцу»⁹⁶. То-есть Божественное имя «Отець» именуеть (означиваетъ) не Сущность и даже не Дѣйствіе, а отношеніе, то-есть личное свойство, равночестныхъ Божественныхъ Лиць. То же самое мы можемъ сказать и въ отношеніи Божественныхъ именъ *Сынъ* и *Духъ*. А такъ какъ всѣ другія Божественныя имена именують Пресвятую Троицу и составляющихъ Ее Божественныхъ Лиць, то и онѣ вполне укладываются въ это опредѣленіе. Такъ имя *Христосъ* — помазанникъ Божій — выражаетъ отношеніе между Сыномъ и Богомъ Отцомъ. Имя Духа Святаго — *Утешитель* — означаетъ свойство Бога Духа. А имя *Вседержитель* — свойство Бога Отца. Если же принять точку зрѣнія именованниковъ, что имя (имена) Божіе воипостазировано, то возникаетъ вопросъ: въ какую именно ипостась? Очевидно — въ Сынѣ. Выходитъ, тѣ имена, которыя относятся къ Отцу и Духу Святому тоже восприняты ипостасью Сына? Но тогда въ Сынѣ смѣшаются всѣ внутритроичныя свойства: и рожденіе, и рожденность, и исхожденіе, и придется логично, но нечестиво и богохульно завершить сію мысль, что Сынъ и Отець и Св. Духъ — это все одно и то же Божество, являющее Себя то какъ Сынъ, то какъ Отець, то какъ Св. Духъ. Мы же вмѣстѣ со всѣй Православной Церковью анаѳематствуемъ подобное савеліанское зломысліе!

А какъ же, возразятъ именованники, понимать слова Апостола: *Темже и Богъ его превознесе и дарова ему имя, еже паче всякаго имени* (Фил. 2,9)? На это отвѣтимъ словами свт. Григорія Богослова: «И даровано было Ему имя, еже паче всякаго имени (а это что иное, какъ не тоже, что быть Богомъ?)»⁹⁷. То-есть ни о какомъ особомъ имени не идетъ рѣчь у Апостола, а о томъ, что Сыну Человѣческому даровано быть Богомъ (человѣчество Иисуса Христа обожается Его Божествомъ). И въ этомъ смыслѣ свт. Григорій поясняетъ, что само сочетаніе именъ, изъ которыхъ одни другими замѣняются по причинѣ соединенія естествъ, вводитъ въ заблужденіе еретиковъ: «Ибо во Христѣ два естества; а потому въ отношеніи къ обоимъ естествамъ имена: Богъ и Отець, употребляются частію собственно, частію же не собственно, и противоположно тому, какъ говорится сіе о насъ; потому что Богъ есть наш Богъ собственно, но отецъ нашъ — не собственно. И сіе-то самое, то-есть сочетаніе именъ, изъ которыхъ одни другими замѣняются по причинѣ соединенія естествъ, вводитъ въ заблужденіе еретиковъ. А доказательствомъ такого замѣненія служить то, что, когда естества различаются въ понятіяхъ, тогда раздѣляются и имена».⁹⁸ Раздѣленіе же именъ доказываетъ ихъ тварность, ибо Божество не можетъ раздѣляться въ Себѣ.

И пусть не ужасаются притворно и не пылають мнимо правѣднымъ гневомъ на эти слова послѣдователи именованія! Да, имена Божіи, кто бы не сотворилъ ихъ: Богъ ли, ангель ли, человѣкъ — тварны. И значить, не могутъ являться ни существомъ, ни дѣйствіемъ Божіимъ, а лишь могутъ ихъ условно именовать, не раскрывая, при томъ, всѣй полноты содержанія Божества. Имена Божіи тварны еще и потому, что даются, исходя изъ тварныхъ понятій, погруженныхъ во время и пространство. Богъ же внѣ любыхъ тварныхъ понятій и не объемлетъ ими; мы же «не можемъ представить себѣ того, что выше времени, даже желая избѣгнуть выраженій означающихъ время; потому что слова: *когда*, *прежде*, *послѣ*, *исперва*, не исключаютъ времени, какъ не усиливается въ этомъ... ибо

⁹⁶ Слово 29. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 424.

⁹⁷ Слово 30. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 430.

⁹⁸ Тамъ же. С. 433-434.

творимое — не Богъ»⁹⁹, говоритъ свт. Григорій Богословъ. На этомъ мы остановимся въ разсмотрѣніи догматической стороны именовбожническаго лжеученія. Всего сказаннаго болѣе чѣмъ довольно, чтобы понять ложность именовбожническаго ученія и его неправославіе. Какъ говорится — *sapienti sat*.¹⁰⁰ Коснемся же теперь и нравственной стороны аѳонской смуты.

Насильственное выдвореніе игумена Андреевскаго скита отца Іеронима изъ обители это фактъ? Фактъ. Жестокое избіеніе несогласныхъ съ мнѣніемъ о. Булатовича въ ихъ же скиту, которые при этомъ не сопротивлялись насилію, это фактъ? Безспорный фактъ! Требую объяснить, на какомъ духовномъ основаніи или свято-отеческомъ завѣтѣ были совершены подобные хамскіе дѣйствія надъ своими духовнымъ отцомъ и братіей?! Какъ можно имѣющимъ монашеское званіе, именуящими себя «христіанами» такъ самочинно и нагло насильничать надъ своей же братіей и о. Настоятелемъ, за одно преслушаніе которому полагается анаѳема¹⁰¹?! Возможно ли почитать имя Божіе и творить, при этомъ, не Божіи дѣла? За отвѣтомъ обратимся къ Златоустому Святителю.

Въ «Бесѣдахъ о статуяхъ» о суетвѣрныхъ, именующихъ себя христіанами, онъ говоритъ слѣдующее: «Не только предохранительныя привѣски употребляютъ, но и заклинанія ихъ; и на увѣщанія не дѣлать этого, въ видѣ защищенія себя говорятъ: *вѣдь эта женщина — христіанка; въ своихъ заклинаніяхъ она не произноситъ ничего, кромѣ имени Божія*. Потому-то я особенно и ненавижу ее, — возражаетъ Святитель, — что употребляетъ имя Божіе, и называясь христіанкою, совершаетъ, что свойственно элинамъ. И демоны произносили имя Божіе, но были демонами. Они говорили Христу: *вѣдь ты, кто еси, святой Божій*, и, однако же, заградилъ имъ уста и угрожалъ».¹⁰²

Сколько необоснованной хулы и клеветы вылили зачинщики новаго лжеученія на головы православныхъ святителей, не только россійскихъ, но и греческихъ, пытавшихся усовѣстить заблудшихъ! Какъ только не надругались надъ ихъ словами и надъ ихъ именами! «Каратель и убійца Никонъ», «вселенскій Патріархъ погрязъ въ богохульной имяборческой ереси», «куча Волынскаго Антонія» и еще множество примѣровъ хулы встрѣчаетъ читатель въ апологіяхъ и опусахъ защитниковъ именовбожническаго лжеученія. «Богомерзкая куча Волынскаго Антонія», напримѣръ, расшифровывается такъ: «Звериная семерка обособилась в Синоде в свою отдельную кучу и действием вселившагося в нее адскаго зверя, лукаво скрыв свою личину, святотатственно и воровски присвоила себе наименование Синода. Но она отнюдь не Синод. Ее мы в нашей истории именуем “куча бесовская”»¹⁰³. Себя же какими только благозвучными эпитетами не именуютъ заблудшіе послѣдователи «имябожія»: то безпредѣльно возвышенными, восходящими на высоту древнихъ святыхъ отцовъ, то лѣстно-жалостливыми, то воинственно-исповѣдническими, и такъ — безъ края, безъ конца. Развѣ не знаютъ они, «защитники Славы Имени Божія»¹⁰⁴, что благодать духовнаго учительства сообщена Господомъ Иисусомъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ — епископамъ; а уже чрезъ послѣднихъ

⁹⁹ Слово 29. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. 1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 415.

¹⁰⁰ «Для умнаго достаточно» (*лат.*).

¹⁰¹ Правило 121 Номоканона: «Безчестуяй настоятеля, даже и по правдѣ, да проклянется, отлучень бо есть отъ Св. Троицы, и да отыидеть въ Іудино мѣсто».

¹⁰² Толкованіе Вальсамона на 61 пр. VI Вселенскаго Собора. *Op. cit.*: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именовбожническая ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. 117.

¹⁰³ Иеромонахъ Паисій. Вменихомся якоже овцы заколенія. Воспоминанія об афонской смуте. СПб., 2008. — Глобализм и религія антихриста. Приложение. С. 155.

¹⁰⁴ Тамъ же. С. 158.

можетъ быть сообщена и тому, кому они предоставятъ се учительское поприще. Восхищать же и безчинно усваивать себѣ не принадлежащій по праву даръ есть ухищреніе коварства и неразумія. Посему долъжно слушать епископа, если онъ православенъ и учить въ Духѣ и истинѣ. Вотъ и послушаемъ, по случаю, святаго архіепископа и Богослова Григорія: «Развѣ не знаешь, что смиреніе не столько познается въ мелочахъ (ибо тогда можетъ оно быть только на показъ и имѣть ложный видъ добродѣтели), сколько испытывается въ дѣлахъ важныхъ? По мнѣ, смиренномудръ не тотъ, кто о себѣ говоритъ мало, при немногихъ и рѣдко, и не тотъ, кто униженно обращается съ низшимъ себя; но тотъ, кто скромно говоритъ о Богѣ, кто знаетъ что сказать, о чемъ помолчать, въ чемъ признать свое невѣдѣніе; кто уступаетъ слово имѣющему власть говорить, и соглашается, что есть люди, которые его духовнѣе и болѣе преуспѣли въ умозрѣніи. Стыдно одежду и пищу выбирать не дорогую, а дешевую, доказывать смиреніе и сознание собственной немощи мозолями на колѣняхъ, потоками слезъ, также постничествомъ, бдѣніемъ, возлежаніемъ на голой землѣ, трудомъ и всякими знаками униженія, но касательно ученія о Богѣ быть самовластнымъ и самоуправнымъ, ни въ чемъ никому не уступать, подымать бровь предъ всякимъ законодателемъ, тогда какъ здѣсь смиреніе не только похвально, но и безопасно»¹⁰⁵.

Наконецъ, разберемъ парадоксъ, связанный съ обозначеніемъ двухъ мнѣній: *православнаго* и *именобожническаго*. Православная позиція по вопросу споровъ вокругъ имени Божія была ясно и предѣльно корректно (хотя оппозиція и обвиняла Сѹнодь въ обратномъ, всякій, кто непредвзято познакомится съ оригинальнымъ текстомъ сѹнодальнаго посланія, вполне въ этомъ убѣдится) выражена въ соотвѣтствующемъ Посланіи Св. Сѹнода. А именно: **имя Божіе есть тварное именованіе нетварнаго дѣйствія Божія**. Мнѣніе же противоположное православному исповѣданію, которое утверждаетъ, что въ догматическомъ смыслѣ имя Божіе есть Самъ Богъ во всемъ Его Существовѣ, Св. Сѹнодь Греко-Россійской Православной Церкви официально обозначилъ какъ *имябожіе*. Исходя изъ этого официальнаго постановленія Греко-Россійской Православной Церкви, всѣ тѣ, кто придерживается неправославнаго мнѣнія или ученія имябожія, именуются *имябожниками* или, какъ болѣе точно предложилъ митр. Антоній (Храповицкій), *именобожниками*. Изъ какихъ же соображеній исходятъ обвинители православныхъ, называя ихъ *имяборцами*, а себя *имяславцами*? Развѣ православные борются съ какимъ-либо именемъ? Болѣе того, развѣ они борются съ именемъ Божиимъ? Да не будетъ! Имя Божіе для всякаго православнаго христіанина достопокланяемо, честно, велико и свято! Именно православные достойно славятъ и почитаютъ имя Божіе во всѣхъ его многообразныхъ формахъ. Потому они и **православные**, что право (прямо, правѣдно и правильно!) славятъ Бога и всесвятое и чудное имя Его. Въ чемъ же тогда заключается ихъ *имяборчество*? Въ томъ ли, что всю Святую Церковь — весь Тѣломъ Христовымъ — они утверждаютъ, что нельзя тварныя имена Нетварныхъ Божественныхъ Дѣйствій (Энергій) считать Богомъ, и поклоняться этимъ именамъ тѣмъ поклоненіемъ, какое присуще лишь Единому Богу — Троицѣ Единосущней и Нераздѣльной? Но такую позицію никакъ нельзя назвать *имяборчествомъ* даже съ точки зрѣнія элементарной логики! Что же тогда происходитъ по существу? Съ какой цѣлью такъ невѣрно и необдуманно присвоено православнымъ названіе *имяборцевъ*? Но цѣль въ этомъ

¹⁰⁵ Слово 32. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т. 1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 473.

кажущемся недоумении есть. И название *имяборцевъ* присвоено православнымъ вполне обдуманно и злонамеренно.

Огульно и безосновательно называя православныхъ *имяборцами*, ихъ оппоненты тотчасъ вводятъ въ заблуждение тѣхъ, кто основательно не разбирался въ вопросѣ объ имени Божіемъ, или даже не былъ знакомъ съ этимъ вопросомъ, такимъ вотъ образомъ дезинформируя ихъ. Въдѣ терминъ *имяборчество*, от котораго и происходитъ название *имяборцы*, совершенно не характеризуетъ позицію православныхъ по существу, какъ стоило бы это предполагать, а стремится доказать какъ разъ ихъ неправославіе. Но какимъ образомъ? **Подмѣняя название предмета разногласія!** При этомъ получается такъ называемое въ спорѣ «перевернутое доказательство». Подобнаго рода уловки характерны для софистовъ, пытающихся заставить слушателей сначала принять на вѣру название, «приклеенное» ими къ своимъ оппонентамъ, а затѣмъ «протащить подъ шумокъ» тѣ недоказанныя свойства этого названія, въ которыхъ софисты желаютъ убѣдить окружающихъ. Получается совсѣмъ нечестный пріемъ, да и недостойный христіанской совѣсти. Вотъ, какъ это примѣрно можно продемонстрировать.

— Эти имяборцы хулятъ имя Божіе! — заявляютъ именобожники. Естественно, у всякаго благочестиваго христіанина возникаетъ негодование: «Да, какъ они могутъ, безсовѣстные, такъ поступать?!» Далее имябожники приводятъ т. н. доказательства своего утверждения, но, несмотря на ихъ неочевидность и слабость аргументовъ, психологическая побѣда уже достигнута. Поскольку первой реакціей слушателя было правѣдное возмущение противъ хулителей-имяборцевъ. Далее — дѣло ораторской техники и обаянія «несправѣдиво отвергнутыхъ исповѣдниковъ имени Божія», «страдальцевъ за истину», «аѳонскихъ изгнанниковъ» присвоившихъ себѣ вопль Давидова псалма — *вмѣнихомся, якоже овцы заколенія!*¹⁰⁶ И ничтожно мало отыщется тѣхъ трезвомыслящихъ людей, которые, сохраняя строгую объективность, поинтересуются: «На какомъ логическомъ основаніи дано название *имяборцы*, и въ чемъ конкретно заключается ихъ хула на имя Божіе?»

Такъ вотъ для тѣхъ немногихъ, кто не увлекся сей софистической уловкой, поясняемъ: *имяборцами* называютъ тѣхъ, кто вслѣдъ за всей Православной Церковью утверждаетъ, что Существо Божіе неизменимо, а Божественныя Дѣйствія или Энергіи именуемы; и эти имена Божественныхъ Дѣйствій (Энергій) либо открыты Самимъ Богомъ посредствомъ Ангеловъ или Пророковъ Божіихъ, либо даны людьми; но во всѣхъ случаяхъ эти именованія сотворены (тварны). Итакъ, защищая нетварность Божества, ополчаясь противъ пантеизма, варлаамизма, каббализма и оккультизма, православные отвѣчаютъ на заблуждение утверждающихъ, что само по себѣ «Имя Бога есть Самъ Богъ во всемъ Своемъ Существовѣ», — нѣтъ! Само по себѣ Имя Божіе не есть Богъ, а есть тварное именованіе Нетварныхъ Божественныхъ Дѣйствій. И это именованіе свято, честно, достопоклоняемо и славимо точно такъ же, какъ иконы Господа Иисуса Христа, Его Пречистой Матери, Святыхъ Небесныхъ Силь Безплотныхъ и всѣхъ Его Святыхъ Угодниковъ, какъ имя Животворящаго Креста Господня, какъ имя Тѣла и Крови Христовыхъ, какъ имя Благовѣстія Христова. Но это поклоненіе не тождественно тому, какое мы воздаемъ Первообразу! Даже Царицу Небесную и святыхъ Угодниковъ Божіихъ

¹⁰⁶ См., напр., гнусный пасквиль на православныхъ подъ редакціей т. н. А. Правдолюбова: Иеромонахъ Паисій. *Вмѣнихомся якоже овцы заколенія. Воспоминанія об афонской смутѣ.* СПб. 2008. Глобализм и религія антихриста. Приложение.

мы почитаемъ не такъ же, какъ Самого Бога, Которому Единому въ Троицѣ славимому достобитъ **всесовершенное** поклоненіе. Именно такое православное мнѣніе нелѣпо и безосновательно было прозвано *имяборчествомъ*. Кто же за всѣмъ этимъ стоитъ?

Вопросъ, съ духовной точки зрѣнія, риторической. Стоитъ за этой клеветой исконный врагъ рода человѣческаго. Хуля имя Божіе, сатана хулитъ Самого Бога. И безумствуетъ въ этомъ не только напрямую отъ своего зломыслия, но и посредствомъ довѣрившихся его прилогамъ, одураченныхъ имъ людей, въ особенности же — христіанъ. Какое хитрое діавольское ухищреніе — заставить похулить Бога тѣхъ, кто искренне считаютъ, что они Его любятъ! Съ этой цѣлью всѣвается въ хрупкій умъ человѣческой тонкой помысль о бытіи Творца всяческихъ, забывшій видимо, что оно превосходитъ всякій разумъ — и человѣческой и даже ангельской. Къ этому помыслу примѣшивается изрядная доля самомнѣнія и придается незамѣтный вначалѣ уклонъ въ ту или иную сторону отъ четкаго и твердаго православнаго вѣроисповѣданія; нѣкоторые называютъ это «новизной обновленія», «страхнем, — дескать, — пыль со старыхъ догматовъ!»

Вотъ и страхнули. Да такъ, что даже разсердились на тѣхъ, кто эту «новизну» не принялъ. Озлобились на тѣхъ, кто воспротивился обновленческому мятежу шаткой человѣческой мысли противъ твердаго ученія Православной Церкви. Но результатъ вражеской подрывной работы, этого адскаго рецепта богохульства очевиденъ: смута, расколъ, ересь, подлоги, клевета, ложь, раздоры и раздѣленія. И все это, къ величайшему стыду, среди самихъ христіанъ! И всѣмъ этимъ хулятся имя Божіе, оскорбляется Великая Жертва Христова! Вотъ ужъ поистине антихристово торжество! А вѣдь все начиналось съ до боли знакомаго предложенія отъ суемудраго змія: «Не желаете ли проникнуть въ тайну Имени Божія? И, вкусивши сей тайны, станете какъ боги!» Пожелали. Захотели (со свинымъ рыломъ да в калашный рядъ!) падшимъ, хрупкимъ, младенческимъ по существу, но не по лѣтамъ горделивымъ умишкомъ человѣческимъ да пощупать Невыразимое, Необъятное, Непрístupное и Страшное Бытіе Божіе! А окончилось все тѣмъ же паденіемъ въ прелѣсть, ожесточеніемъ сердца и изгнаніемъ изъ рая сладости Богообщенія. Какъ горько! Какъ худо! Какъ глупо и безпѣчно потеряны миръ души, кротость ума и смиреніе сердца! На смѣну имъ тотчасъ же произраśli тернія и волчцы: озлобленность, желчность, дерзость, раздраженіе, наглость, грубость, надмѣнность, невѣжество и буесловіе. Трагической конецъ!

– VIII –

Малоизвѣстные факты «имяславія», опубликованные чт. А. М. Хитровымъ въ послѣсловіи къ сборнику: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именовбожническая ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916, (Репринт. Из-во М.: Град Китеж, 2013).¹⁰⁷

«Достойнымъ удивления оказался тот фактъ, что маловразумительные трактовки цитат изъ сочинений свв. Отцев об Имени Божиимъ, собранных о. Илариономъ в своей книге, побудили участников последовавшей затемъ “афонской смуты”, разгоревшейся на Св. Горе

¹⁰⁷ См. основной трудъ автора: Забытые страницы русского имяславия. Сб. документовъ и публикацій по афонскимъ событіямъ 1910-1913 гг. и движению имяславия в 1910-1918 гг. / сост. А. М. Хитров, О. Л. Соломина. М.: Паломник, 2001.

Афонской в 1912–1913 гг. под руководством схим. Антония (Булатовича), позволить себе грубейшие нарушения канонических правил монашеской жизни и отказ от подчинения афонскому, Вселенскому и российскому церковноначалию».¹⁰⁸

«Известно, что либерально-демократическая пресса и до февраля 1917 г. всеми силами старалась оболгать и исказить официальную позицию Святейшего Правительствующего Синода относительно имяславия. Главным объектом этих нападок были такие великие столпы Православия, как Митрополиты Макарий (Невский), Антоний (Храповицкий), Анастасий (Грибановский) и Архиепископ Никон (Рождественский), в чьих религиозно-богословских трудах и была сформулирована оценка этой ереси».¹⁰⁹

«Проблема имяславия, практически завершенная в 1916 г. в церковном суде Московской Синодальной конторы (МСК), где официально покаялись практически все имяславцы, за исключением архимандрита о. Давида (Мухранова)¹¹⁰, оказалось идеальным поводом для критики всей дореволюционной церковной политики Русского Самодержавия и Святейшего Правительствующего Синода. Вся апологетика имяславия, вышедшая в свет после февраля 1917 г., имеет крайне малую научно-богословскую ценность, т. к. основана на сознательном искажении авторами реальных исторических событий и документальных источников».¹¹¹

«Ставшие в советское время ведущими апологетами имяславия о. Павел (Флоренский), о. Сергей (Булгаков) и философ А. Ф. Лосев в 1910–1913 гг. были еще мало известны в России, и этими вопросами они тогда еще не заинтересовались. Немаловажен и тот факт, что все перечисленные лица никогда не отличались какой-либо богословской чистотой православного вероисповедания. Первого и третьего из них вполне можно отнести к апологетам “обновленчества”, а второго — к сторонникам “софианской” ереси, которая с редким единодушием была осуждена Архиерейским Собором РПЦЗ в 1935 г.».¹¹² «Никто из апологетов имяславия начала XX века не мог быть готов к обстоятельной богословской полемике с Митрополитом Антонием (Храповицким), к которому пришла мировая известность после обличения таких именитых еретиков, как философ В. С. Соловьев, писатель граф Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков. В таких обстоятельствах самым эффективным средством идейного противостояния имяславцев с Владыкой Антонием оказался метод замалчивания всех его научно-богословских трудов, который широко применялся в СССР начиная с 1921 г., после проведения 1-го Всезарубежного церковного собора и создания Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей и продолжает практиковаться до настоящего времени».¹¹³

«...Никто из апологетов имяславия не проводил сравнительного анализа текстов изданий 1907, 1910 и 1912 гг. книги “На горах Кавказа” и потому не обратил внимания на то, что начиная с издания 1907 г., повествование в 1-й части ведется от лица некоего о. Денасия, а о. Илариону принадлежит лишь авторство в подборке цитат о личности Иисуса Христа, помещенных во второй части этой книги. Другими словами, подлинное

¹⁰⁸ Чтец Александр Хитров. Послесловие. // В сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именовожническая ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. XLIII.

¹⁰⁹ Тамъ же. С. XLIII-XLIV.

¹¹⁰ РГАДА. Фонд 1183. Московская контора Св. Синода. Оп. 4, д. 533. Следственное дело об афонских монахах-имябожниках.

¹¹¹ Чтец Александр Хитров. Послесловие. // В сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именовожническая ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. XLIV.

¹¹² Тамъ же. С. XLV.

¹¹³ Тамъ же.

литературное авторство о. Илариона в его издании “На горах Кавказа” относится к теме, не имеющей никакого отношения к имяславью. Литературный анализ 1-й части этой книги выявляет и тот неожиданный факт, что труд о. Денасия состоял всего лишь навсего в пересказе своими словами известного сочинения свт. Игнатия (Брянчанинова) “О молитве Иисусовой”». ¹¹⁴

«...Когда в июне 1913 г. пребывание мятежных монахов в зоне боевых действий фронтов 2-й и 3-й Балканских войн создало угрозу появления непредсказуемых международных событий, то по инициативе МИДа Российской Империи 6-й роте 50-го Белостокского пехотного полка, находившейся при русском посольстве в Константинополе, был дан приказ арестовать и доставить в г. Одессу не раскаявшуюся часть монашеской братии для передачи в полицию. ...Кстати, полиция выявила тогда среди афонских мятежных монахов несколько б. матросов с броненосца “Князь Потемкин-Таврический”, которые, скрываясь на св. Афоне, продолжали заниматься революционной пропагандой. Они печатали и распространяли среди паломников, возвращавшихся в Россию, листовки российских леворадикальных партий. Все эти бывшие “потемкинцы” были отправлены в Симферополь, где их делами занялась военная прокуратура». ¹¹⁵

«...в Российской Империи признавались в монашеском сане только те российские граждане, которые выезжали на Св. Афон уже монахами. Все остальные, принявшие монашеский постриг за пределами России, должны были после возвращения на родину пройти не менее чем 3-летний испытательный срок. Этим фактом и объясняется отношение властей Российской Империи к “имяславцам”, как к простым мирянам». ¹¹⁶

«...в 1914 г. МСК ¹¹⁷ были переданы из Одессы для церковного суда всего только лишь 25 наиболее упорствующих имяславцев, которые, спустя некоторое время, также объявили о своем церковном покаянии. Среди них встречается и имя самого схим. Антония (Булатовича) ¹¹⁸, который вскоре вновь передумал и начал публиковать в газетах “левого” направления статьи о причинах своего отказа от покаяния. Помимо церковного суда этих 25 имяславцев обвиняла и Одесская полиция в непочтительном отношении к Августейшей Семье Государя Императора Николая II. Большинство из них в оскорбительной форме отказались подписать поздравительный адрес монахов-святогорцев по случаю 300-летия царствования на Руси Династии Романовых. Свод Законов Российской Империи наказывал виновных за подобные проступки ссылкой на каторжные работы сроком от 4 до 7 лет (ст.74 УК), однако Государь Император Николай II проявил Свое великодушие и помиловал всех монахов, обвиненных в подобном дерзком проступке. Широко известное обращение того же времени Государя императора Николая II к Обер-Прокурору Святейшего Синода с просьбой освободить монахов-“имяславцев” и от церковного суда осталось без последствий. Российский Св. Синод оставил за собой право довести следствие церковного суда до конца». ¹¹⁹

¹¹⁴ Тамъ же. С. XVI.

¹¹⁵ Тамъ же. С. XLVII.

¹¹⁶ Тамъ же. С. XLVII- XLVIII.

¹¹⁷ Московская Синодальная Контора.

¹¹⁸ См.: РГАДА. Фонд 1183. Московская контора Св. Синода. Оп. 4, д. 533. Следственное дело об афонских монахах-имябожниках.

¹¹⁹ Чтец Александр Хитров. Послесловие. // В сборникъ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіи ересь. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. XLVIII.

«Всевозможные фальсификации истории имяславия многие годы проводились советскими партийными изданиями, главным образом, с целью дискредитации светлой памяти Патриарха всея России Тихона (Белавина) и Первоиерарха РПЦЗ Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). О многом говорит уже тот факт, что недоброй памяти советское общество “Безбожник” многотысячными тиражами издавало брошюры в защиту “имяславцев”».¹²⁰

Противъ дезинформації имяславцевъ о томъ, что на их сторону якобы всталъ митр. Макарій (Невскій), оправдавъ ихъ ученіе:

«В (следственном) деле (об афонских монахах-имябожниках, см.: РГАДА. Ф.1183 МКС. Оп. 4, д. 533) содержатся письменные собственноручно заверенные покаяния всех оставшихся к весне 1914 г. в Москве 14 монахов, в которых они отрекаются от имяславия и соглашаются оставаться под законным церковным запрещением. После этого им было разрешено посещать храмовые богослужения без права служить и исповедовать. По каждому из этих подследственных члены церковного суда делали заявления о соответствии Православию самих этих покаяний, а вовсе не о соответствии Православию ереси имяславия. В августе 1914 г., сразу после начала 1-й Мировой войны, все эти монахи обратились в МСК с просьбой направить их в Действующую армию и снять с них церковные запрещения. Митрополит Макарий (Невский) удовлетворил эти просьбы с оговоркой, что запрещения эти снимаются только на период военного времени и на время нахождения монахов в боевых и санитарных частях Русской армии... Именно факт наличия этих церковных запрещений вынуждает о. Антония (Булатовича) и его единомышленников вновь обратиться к Всероссийскому Поместному Собору 1917-1918 гг. с повторной просьбой об их отмене в связи с окончанием 1-й Мировой войны. Поместный Собор счел законченным срок действия разрешений Митрополита Макария, выпущенных в 1914 г., и подтвердил законность возвращения к предыдущим запрещениям МСК. Именно подобное решение Собора послужило причиной того, что в конце 1918 г. о. Антоний (Булатович) и несколько его единомышленников объявили о своем выходе из Всероссийской Православной церкви, возглавляемой Патриархом Тихоном».¹²¹

«Как выше уже пояснялось, “имяславцы”, после разрыва молитвенного единения с Патриархом Тихоном (Белавиным) не поддержанные ни одним из российских православных архиереев, окончательно превращаются в секту и самочинное сборище. Всякие попытки современных апологетов именовбожничества объявлять их основателями исповеднической Катакомбной “Тихоновской” церкви являются откровенным лукавством и прямой фальсификацией».¹²²

¹²⁰ Тамъ же. С. LI.

¹²¹ Тамъ же. С. LI-LII.

¹²² Тамъ же. С. LIII.

Въ этой заключительной главѣ нашей статьи приведемъ небезынтересный диспутъ, вызванный докладомъ по вопросу *имяславія*, который былъ представлень устно, во время встрѣчи въ Москвѣ съ послѣдователями *имяславія* и съ тѣми, кто колебался въ своихъ взглядахъ на этотъ непростой вопросъ объ имени Божіемъ. Этотъ диспутъ четко покажетъ читателю основные линіи разногласія сторонъ и, возможно, кому-то поможетъ лучше понять аргументацію послѣдователей и защитниковъ этого лжеученія. Представляемъ вашему вниманію этотъ отредактированный докладъ въ двухъ частяхъ и вызванный имъ споръ.

Часть первая

Спросимъ себя: если мы слышимъ имя Господа на чужомъ языкѣ, какъ мы къ этому имени относимся? какъ мы его воспринимаемъ? Скорѣе всего, какъ и большинство тѣхъ, кому тотъ языкъ невѣдомъ, — можетъ, и съ интересомъ, но совершенно безъ пониманія того, о чемъ идетъ рѣчь. И это естественно, потому что не всѣ владеютъ всѣми языками, на которыхъ произносится имя Божіе. Въ этой связи стоитъ узнать, какъ формируется наше воспріятіе чего бы то ни было или кого бы то ни было, и что для нашего воспріятія есть имя вообще, какъ терминъ? На этомъ предварительномъ этапѣ, намъ какъ разъ и слѣдуетъ договориться о терминахъ. Иначе, мы можемъ какую-либо мысль подразумевать одинаково, но формулировать ее по-разному, используя не одинаковую терминологию. Тогда имѣется опасность не понять друг друга, или понять превратно.

*Согласны ли вы съ тѣмъ, что не все обожаемое есть Богъ? Часто мы слышимъ изъ устъ другихъ людей: обожая какую-то вещь, пищевой продуктъ, другаго человека и т. п. Но для христіанскаго сознанія самъ этотъ глаголъ говоритъ за себя — «обожать» можно лишь Бога¹²³! Если же мы сами такъ неосмотрительно относимся къ этому слову, употребляя его не въ должномъ смыслѣ, то фактически становимся идолопоклонниками или соучастуемъ въ идолопоклонствѣ другихъ, если не дѣлаемъ имъ замѣчанія о правильности употребленія даннаго слова, и не предупреждаемъ ихъ объ опасныхъ послѣдствіяхъ такого неосмотрительнаго словоупотребленія. Латинскій языкъ, наприимѣръ, четко разграничиваетъ понятія «обожанія» и «почитанія». Такъ, употребляются два различныхъ термина: *adorare* (поклоняться, обожать, чтить какъ Бога) и *reperari* (чтить, почитать, благоговѣть). Послѣднее примѣнимо къ иконамъ, къ святымъ, къ именамъ Божіимъ. Первое — исключительно къ Богу. Это замѣчаніе относится къ необходимости точнаго смыслового употребленія того или иного понятія, особенно, если это понятіе выражаетъ глубокія духовныя вещи.*

¹²³ В. Даль: *обоготворить, почитать богом, божеством, чествовать как Бога.*

Нерѣдко понятіе нуждается въ дополнительномъ различеніи, потому что оно не можетъ точно выразить то, о чемъ идетъ рѣчь. Въ качествѣ примѣра представимъ обломанный прямой сукъ дерева. Назовемъ его «палкой», и не ошибемся. Но если эта палка станетъ выполнять опредѣленную функцію, то для того, чтобы подчеркнуть ея назначеніе, придется измѣнить основное ея наименованіе. При этомъ она можетъ стать «тростью», «ходулей», «костылемъ», «слегбѣй», «жезломъ», «посохомъ»... Въ этихъ различныхъ понятіяхъ заключается функціональное раскрытіе предмета въ соответствіи съ его назначеніемъ. Но въ общемъ, первоначальномъ смыслѣ, все это суть «палка». О понятіяхъ вообще сказали, теперь перейдемъ непосредственно къ частному понятію имени.

Что же есть имя въ нашемъ человѣческомъ воспріятіи, и что есть имя въ нашемъ отношеніи къ Богу? Имя есть символъ того, кто его носитъ. Посредствомъ закона предметности мышленія, когда названіе предмета или явленія переносится на нихъ самихъ и въ дальнѣйшемъ ассоціируется съ ними, имя становится неотъемлемой принадлежностью того, кому оно было дано. Но изначально это условность! То-есть, такъ условились считать, такъ договорились. Сколько существуетъ на свѣтѣ людей съ одинаковыми именами! И всѣ они откликнутся на свое имя, а каждый изъ нихъ вполне объяснимо станетъ утверждать, что изъ всѣхъ, скажемъ, тысячъ Василіевъ, онъ тотъ самый что ни на есть настоящій Василій! Имя одно, а носящіе его люди всѣ разные. А значитъ, какъ въ примѣрѣ съ палкой, необходимо требуется уточненіе, путемъ дробленія или детализаціи общаго предмета, иначе совершенно нѣтъ возможности понять о какомъ конкретно человѣкѣ идетъ рѣчь.

Въ томъ же, что человѣческое имя указываетъ, хоть отчасти, на какіе-то особые качества его носителя, подчеркнутыя даннымъ ему именемъ, такъ же встрѣчается великое разочарованіе. Сейчасъ рѣдко называютъ дѣтей по ихъ качествамъ (въ данномъ случае не важно — внешнимъ или внутреннимъ) и на родномъ языкѣ. Въ подавляющемъ большинствѣ среди европейцевъ имена заимствуютъ изъ другихъ языковъ; коренному, историческому значенію ихъ не придаютъ должнаго (или вовсе никакого!) вниманія, удовлетворяясь лишь пріятностью даннаго имени для слуха или другихъ чувствъ, а то и просто руководясь модой или иными побужденіями. Т. о., приходится согласиться, что въ настоящее время люди даютъ имена своимъ дѣтямъ даже не понимая, что эти имена означаютъ. Нѣкая Елена, къ примѣру, нося данное имя, вовсе можетъ не быть «факеломъ», а можетъ всю свою жизнь тлѣть, чадить и коптить небеса, засоряя своей «копотью» еще и жизнь окружающихъ ея людей. Нѣкій Аѳанасій вовсе не безсмертенъ, хотя именно объ этомъ и сообщаетъ имя, которое онъ носитъ. А Лариса такъ никогда и не превратится въ чайку, хотя бы очень этого и хотела. Т. о. имя, которое носитъ человѣкъ, необязательно характеризуетъ его. Другое

дѣло, если человекъ названъ въ честь другого, напримеръ святаго или героя или въ память почтеннаго предка. Тогда такое имя несетъ въ себѣ дополнительную информацию. Но имѣется ли увѣренность, что носящій такое памятное имя человекъ, будетъ хоть сколько-то соответствовать качествамъ того, чья память передана въ этомъ имени? Никакой! Примеровъ тому — величайшее множество. Такъ что же есть имя человека для него самого и для окружающихъ его? Характеристика его качествъ? Какъ видимъ далеко не всегда. Указаніе на его сущность? Вовсъ нѣтъ! Какъ говоритъ свт. Василій Великій, «имя показываетъ намъ отличный характеръ Петра, но совсем не представляетъ его сущности»¹²⁴. Обозначеніе его бытія, его *modus vivendi*? Крайне сомнительно. Тогда что же? Мы вправе сказать, что человеческое имя — это опредѣленный знакъ того, что это тотъ самый человекъ, который это имя носитъ. Но для этого намъ требуется рядъ уточненій (какъ въ примеръ съ палкой): фамилія, отчество, дата и мѣсто рожденія.

Итакъ, по слову свт. Василія Великаго: «Весьма во многомъ мы другъ с другомъ одинаковы; а отличаемся одинъ отъ другого теми только свойствами, которые усматриваются въ каждомъ особю, почему названія служатъ къ означенію не сущностей, а особенныхъ свойствъ, характеризующихъ каждого»,¹²⁵ «ибо не за именами следуетъ природа вещей, а, наоборотъ, имена изобрѣтены уже после вещей».¹²⁶ Если мы въ этомъ пониманіи согласны, перейдемъ ко второму вопросу: какъ формируется въ человекѣ воспріятіе и/или именованіе Бога?

Представимъ общую схему воспріятія. Ясно, что субъектъ (человекъ) формируетъ свое отношеніе къ объекту путемъ его воспріятія. Прежде всего слѣдуетъ договориться, что мы говоримъ объ Объектѣ, который неизмѣримо выше воспринимающаго Его субъекта. Этотъ Объектъ есть **Творецъ** субъекта, воспринимающаго Его. Опредѣлимъ Его какъ «Θεός». Прерывистая линія на рисункъ-схемѣ, которой окруженъ субъектъ, указываетъ на опредѣленіе его отношенія для себя самого. Но какъ опредѣлить или изслѣдовать свое отношеніе къ тому, что неизмѣримо выше тебя?

Однимъ изъ механизмовъ такого изслѣдованія является вопрошаніе. Вѣдь я, субъектъ, вполне осознаю діаметральную разность нашихъ величинъ съ Объектомъ. Совершенно осознаю, тѣмъ самымъ, свою неспособность какъ субъекта изслѣдовать, а тѣмъ болѣе постигнуть содержаніе Объекта. Потому спрашиваю Его: кто еси? Кто Ты? Одновременно съ этимъ обращаю къ Нему свое желаніе познать Его — кто есть, что есть этотъ Объектъ. Наконецъ, Объектъ отвѣчаетъ мнѣ. А почему Онъ мнѣ отвѣчаетъ? Потому что я спрашиваю? Нѣтъ. Потому что **Онъ** такъ желаетъ. Это

¹²⁴ Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в 2 т., том первый: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 215-216.

¹²⁵ Тамъ же. С. 215.

¹²⁶ Тамъ же. С. 216.

Его воля мнѣ отвѣтитъ или промолчать. Если бы Онъ отвѣчалъ, потому что *я* спрашиваю, значитъ, это мое вопрошаніе какимъ-то образомъ обязываетъ Его къ отвѣту. Но Онъ выше моего тварнаго желанія, моего волеизъявленія. Потому Онъ отвѣчаетъ исключительно по Своей собственной «самохотной» воли. И вотъ наша первая пунктирная линія становится непрерывной линіей, символично показывающей, что пробѣлы пунктира субъективныхъ попытокъ познания Объекта заполнились, слились. Почему? Потому что на помощь вопрошающему субъекту приходитъ **Откровеніе Объекта о Себѣ**.

На первомъ этапѣ присутствуетъ мысль субъекта. На второмъ этапѣ уже присутствуетъ мысль-символь (иначе, какъ субъекту приблизиться къ описанію неизмѣримо болѣе высокаго, чѣмъ онъ, Объекта, если он, субъектъ, не владѣетъ соответствующимъ языкомъ? Такимъ языкомъ является языкъ символовъ, который создаетъ самъ субъектъ). Символь можетъ выразиться знакомъ (знаменіе креста, напримѣръ), образомъ (икона), словомъ: какъ произнесеннымъ, такъ и не произнесеннымъ (поскольку мысль субъекта имѣетъ такое свойство, что не обязательно должна облекаться въ свое вербальное выраженіе. Скажемъ, сердечное чувство человека къ Богу, не выраженное словомъ, — это тоже мысль, идея, энергія; и лишь затѣмъ оно можетъ быть сформулировано и выражено словесно). Примѣръ послѣдняго есть созерцаніе.

Созерцаніе свойственно ангельскому міру. А на какомъ языкѣ общается ангельскій міръ? Каковы правила его словесности? Мы отвѣтимъ, что не знаемъ ангельскаго языка и не въ силахъ отвѣтитъ на эти вопросы. Но мы вправѣ предположить, что ангельскій языкъ не имѣетъ буквенно-звукового своего выраженія въ нашемъ человеческомъ пониманіи. Это скорѣе языкъ ментальный. Языкъ мысли. Языкъ созерцанія своего Творца. Языкъ хвалы. Владѣя языкомъ мысли, болѣе нѣтъ нужды въ языкѣ слова. И этимъ вполне можно объяснить, какъ мысль можетъ быть сообщена любому человеку, внѣ зависимости отъ знанія его языка. Эту мысль онъ уже самъ сможетъ выразить на своемъ языкѣ. Наконецъ, рассмотримъ познаніе, какъ наблюденіе, изученіе, вопрошаніе — кто еси?

Откуда же происходитъ вопрошаніе? Отъ неудовлетворенности желанія субъекта въ познаніи Объекта; отъ пониманія ограниченности собственнаго разума, который отказывается отъ безнадежныхъ попытокъ понять то, что положено не просто выше него, а **внѣ** него. Именно отсюда раздается этотъ вопль разума: кто еси? какъ Тебѣ имя? Этимъ крикомъ-вопрошаніемъ человеческое тварное существо отказывается отъ формированія дальнѣйшаго, какого бы то ни было воспріятія своего Творца по своимъ собственнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Здѣсь и появляются: и мысль, и слово и имя. И отвѣтъ Творца своему творенію приходитъ. Но какой?! «Зачѣмъ ты спрашиваешь о имени Моемъ? (Оно чудно!)». Что это? Молчаніе по

существо! Субъектъ вопрошаетъ, а Объектъ отвѣчаетъ молчаніемъ по существу; то-есть Творецъ не отказывается говорить со своимъ твореніемъ, но самое главное, о чемъ вопрошаетъ Его твореніе, обходитъ многозначительнымъ молчаніемъ. И вотъ это молчаніе Творца, это — Его Откровеніе. Съ большой буквы. Творецъ-Объектъ открывается своему творенію-субъекту настолько, насколько тотъ способенъ это Откровеніе-Открытіе понести, согласно чистотѣ своего сердца. Итакъ, всю нашу схему воспріятія Творца твореніемъ можно выразить такъ: воспріятіе — осознаніе — довѣріе (Откровенію, Открывающему) — вѣра — покой (исихія, молчаніе, упокоеніе въ Господѣ) — догматъ (словесная икона Творца), болѣе котораго твореніе-субъектъ не можетъ ничего сказать о Творецъ-Объектъ.

Теперь поставимъ такой необычный вопросъ: татуировка на тѣлѣ уголовника въ видѣ образа Господа или Его Пречистой Матери — икона или нѣтъ? Конечно, нѣтъ. Икона становится ею только тогда, когда она освящена Духомъ Святымъ. Такъ и словесная икона Творца — догматъ — должна быть освящена тѣмъ же Духомъ.

Слѣдующій тезисъ. Вопрошая о Богѣ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ, что Господь непостижимъ, непознаваемъ, неизмѣняемъ, безконеченъ, всевъдуцъ, всеблагъ... И все катафатическое и апофатическое богословіе мы можемъ здѣсь примѣнить, но лишь съ той цѣлью, чтобы заключить, наконецъ, что Творецъ выше всего того, что мы о Немъ знаемъ или можемъ знать. И выше всего того, что мы можемъ сказать (именовать) о Немъ. Но Творецъ освящаетъ и просвѣщаетъ наше пониманіе и познаніе о Немъ. Какимъ образомъ? Онъ освящаетъ это Своею энергіей, Своимъ дѣйствіемъ.

Въ этой связи важно отмѣтить, что отвѣтъ Творца (Откровеніе) на наше вопрошаніе есть дѣйствіе Божіе, направленное къ Его творенію. Такое дѣйствіе можетъ быть тварнымъ и нетварнымъ. Какъ извѣстно изъ постановленій Собора 1351 г. (противъ варлаамитовъ), нетварное дѣйствіе Божіе есть энергія Его Сущности (п. 1). Энергія и Сущность равнымъ образомъ Божественны, нераздѣльны, но при этомъ и неслиянны (п. 2). Такимъ образомъ, Онъ равночестны, но не тождественны. Раздѣленіе или сліяніе Ихъ приводитъ къ еретическимъ заблужденіямъ. Для того чтобы различить сущность Творца («Θεός») и Его нетварное Дѣйствіе (энергію), требуется ввести дополнительный терминъ — «Θεότης». На этомъ мы пока остановимся въ выясненіи поставленныхъ въ началѣ вопросовъ, поскольку мы приблизились къ проблемѣ, заявленной, какъ тема настоящего доклада. А именно — къ противостоянію мнѣніи защитниковъ имени Божія («имяславцевъ», какъ они сами себя именуютъ) съ одной стороны, и защитниковъ православнаго пониманія имени Божія (имяславцы именуютъ ихъ «имяборцами») съ другой стороны.

Часть вторая

Пригласите какого-нибудь высококвалифицированного специалиста, например плотника, и попросите его сделать какую-либо условленную плотницкую вещь. Он, с большой долей вероятности, профессионально и, возможно, великолепно исполнит вашу просьбу. А после этого, попросите его объяснить вам, как он это сделал. Пусть опишет, так сказать, «процесс производства» условленной вещи. Теоретически. Да еще так, чтобы каждый из нас, присутствующих, это понял. И вот здесь уже вероятность того, что он, будучи безусловно высококлассным специалистом в своем плотницком деле, безусловно выполнит и эту нашу просьбу, становится ничтожно мала. Ведь для этого необходимо обладать дополнительными знаниями не только с его стороны, но и со стороны присутствующих: знать терминологию, разбираться в характеристиках материала, владеть основами производственного процесса и проч. Так сказать «на пальцах» это объяснить развернуто и доходчиво не получится. Для чего взять этот пример с плотником? Для того чтобы показать, что далеко не каждому возможно выразить какую-либо практику достаточно подходящим для этого языком теории. Так, отец схимонах Иларіонъ, авторъ брошюры «На горахъ Кавказа», попытался выразить на ее страницахъ свой практическій опытъ молитвы Іисусовой тѣмъ языкомъ, который былъ ему всего ближе въ силу определенныхъ причинъ — образованія ли, духовнаго ли воспитанія — въ данномъ случаѣ это не имѣетъ особаго значенія, и потерпелъ крахъ. А главная причина, на нашъ взглядъ, была въ томъ, что языкъ отца Иларіона не былъ точенъ въ догматическомъ смыслѣ. Не была точна въ томъ же смыслѣ и его мысль, не удовлетворившаяся уже существующимъ полноцѣннымъ святоотеческимъ богословіемъ, а замахнувшаяся на изобрѣтеніе «новаго догмата».

Въ качествѣ еще одного примѣра приведемъ широко извѣстное православнымъ вѣрующимъ выраженіе, относящееся ко Второму Лицу Пресвятой Троицы — Господу Іисусу Христу. Церковное Преданіе именуетъ Его «Солнцемъ Правды» или «Солнцемъ Правѣднымъ» въ дониконовской традиціи. И мы понимаемъ, о комъ идетъ рѣчь, хотя привлекаемъ для характеристики совершенной Богочеловѣческой природы Господа нашего Іисуса Христа языкъ символическій, не точный въ богословскомъ, догматическомъ смыслѣ. Какъ же выразить понятіе о Второмъ Лицѣ Пресвятой Троицы точнѣе, въ болѣе определенномъ богословскомъ смыслѣ? «Господь Іисусъ Христосъ есть истинный совершенный Богъ и Человѣкъ». Это и будетъ догматическій языкъ, исключаящій всякое двусмысленное или неточное пониманіе природы Того, о Комъ идетъ рѣчь.

Еще одинъ примѣръ: если сказать въ богословскомъ смыслѣ догмата, что Пречистая Дѣва есть звѣзда на духовномъ небосклонѣ (см. акаѳистъ Прсв.

Богородицѣ), то не избѣжать будетъ ошибочныхъ умозаключеній. Образно-символическій языкъ христіанской иконографіи и литургики вполне подходитъ для подобнаго выраженія глубокихъ духовныхъ смысловъ, однако, для догматически безупречнаго ихъ выраженія требуется четкое, вывѣренное слово — «Пречистая Дѣва Марія есть Матерь Божія, воистину Богородица».

Такимъ образомъ, догматическій языкъ — это тотъ округъ нашего знанія о Богѣ, выходъ за который смертельно опасенъ. Догматъ въ данномъ смыслѣ — это наше спасительное окаймленіе нашего же воспріятія, а значитъ — и пониманія Божественныхъ таинъ: Свято-Троичныхъ свойствъ, Боговоплощенія, Искупленія, Воскресенія, Евхаристіи... Догматъ — это граница, переходъ за которую несетъ смерть нашей души. А значитъ, эта неизмѣримо важная для нашего спасенія граница должна быть очерчена наиболее отчетливо, наиболее точнымъ языкомъ — языкомъ догматическимъ.

Когда отецъ Иларіонъ утверждаетъ, что имя Божіе есть Богъ, какъ Θεός, какъ Богъ открывающій Себя воспринимающему Его субъекту-человѣку чрезъ нетварное Свое Дѣйствіе, то въ этомъ смыслѣ можно съ нимъ согласиться, можно сказать, что имя Божіе есть Богъ. Стоитъ учитывать при этомъ и то, что отецъ Иларіонъ не владѣлъ «паламитской» терминологіей, гдѣ четко различено Θεός и Θεότης, и врядъ ли зналъ о постановленіяхъ святыхъ Соборовъ 1342 и 1351 гг., гдѣ это различеніе вполне ясно и опредѣленно выражено. И, въ общемъ контекстѣ, мысли и выраженія отца Иларіона о практикѣ Иисусовой молитвы понятны и приемлемы православнымъ сознаниемъ. Но когда отецъ Иларіонъ переходитъ на языкъ христіанской догматики, не вполне владѣя имъ, и утверждаетъ, что въ имени Божіемъ, (какъ въ тварномъ именованіи нетварнаго Дѣйствія Божія), присутствуетъ Самъ Господь во всей Своей полнотѣ, во всемъ Своемъ Существовѣ, съ этимъ утвержденіемъ православное сознание согласиться не можетъ. Никакъ не можетъ!

Вопросъ Н.: Чѣмъ отличаются Θεός и Θεότης?

Отвѣтъ: Богъ — Θεός — по Своему Существову непознаваемъ и именуемъ, а Θεότης — Божество — какъ Дѣйствіе, какъ проявленіе Бога (Θεός), познаваемо и именуемо настолько, насколько это позволяетъ воспріятіе субъекта (зависитъ отъ чистоты его сердца — «Блажени чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ» Матѳ. 5,8).

Вопросъ Н.: Зачѣмъ нужны эти термины «объектъ», «субъектъ» по отношенію къ Богу и человѣку? Не усложняетъ ли это то, о чемъ идетъ рѣчь?

Отвѣтъ: Объектъ-субъектъ — въ изложеніи столь важнаго вопроса мы вынуждены прибегать къ терминамъ логики, опять же вынуждены пользоваться языкомъ, соответствующимъ наиболее ясному изложенію нашей мысли. Такимъ языкомъ является, въ томъ числѣ, и языкъ логики. И хотя для нашего православнаго сознания Господь Бог ни какой-то выхолощенный, бездушный «Объектъ», а самый что

ни на есть настоящей, личный и безгранично любящий насъ Творецъ, мы, затрагивая данного рода тему, не можемъ обойтись безъ соответствующаго ей языка. Тѣмъ болѣе, что «объектомъ» (*objectum*, лат.) называютъ предметъ вниманія, положенный внѣ наблюдающаго его, къ которому направлена познавательная дѣятельность наблюдателя (субъекта). Можетъ, кто-то и сможетъ обойтись инымъ языкомъ, а мы, въ ограниченности своего разума, не знаемъ иной словесности, которая бы настолько ясно выражала нашу мысль, кромѣ какъ словесность логики и христіанской догматики.

Вопросъ К.: Мнѣ кажется, что Вы отдѣляете Имя Божіе какъ Его энергію отъ Его Божественной Сущности, чего дѣлать нельзя, Имя отъ Бога неотдѣлимо и нераздѣльно.

Отвѣтъ: Раздѣлять Божественную Сущность отъ Божественнаго же Дѣйствія практически мы не можемъ. Но обязаны это сдѣлать теоретически, умозрительно, иначе допустимъ сліяніе Сущности и Энергіи Божіей, что анафематствовано во второмъ пунктѣ Соборныхъ Актѣвъ 1351г. Нельзя раздѣлять, но нельзя и сливать Сущность съ Дѣйствіемъ! Тѣмъ самымъ мы вполнѣ признаемъ великую ограниченность своего разумнаго воспріятія тѣхъ вещей, которые положены внѣ насъ (причемъ, не просто внѣ нашей личности, а внѣ онтологически, по существу, совершенно не имѣющихъ съ нами тварными ничего общаго въ своей сути!) – вещей Божественныхъ. И для того чтобы не заблудиться, не перешагнуть за границу православнаго догмата въ смертельно опасную зону духовнаго заблужденія, мы должны все же умозрительно «не раздѣляя раздѣлять (не сливать)» Бога по Существу — Θεός и Бога по Его проявленію (Дѣйствію) — Θεότης. Причемъ, приближаться къ разсужденію о Богѣ мы должны въ высшей степени благоговѣйно и смиренно, дабы не опалить себя неосторожнымъ и безстрашнымъ, дерзкимъ приближеніемъ къ Божеству. Поэтому «о Богѣ надо молчать» (риторъ Арнобій). Но уж если мы вынуждены взять слово, чтобы защитить православное пониманіе Божественныхъ Таинъ отъ ересей и заблужденій, то надо совершенно четко осознавать, что сказать болѣе того, что Самъ Богъ открылъ о Себѣ мы никакъ не можемъ. Какъ уже не разъ повторялось, дѣйствія Творца въ отношеніи твари могутъ быть познаваемы ею настолько, насколько Творецъ Самъ желаетъ открыть Себя твари.

Вопросъ Н.: О различномъ пониманіи Имени Божія.

Отвѣтъ: Божество неизменимо. Имя Господа Іисуса Христа только потому Божественно, что было обожено (помазано) Божествомъ, принявшимъ въ Свою Божественную ипостась Имъ же **сотворенное** **человѣчество** Господа Іисуса Христа. Въ подтвержденіе см. «Точное изложеніе православной вѣры» при. Іоанна Дамаскина гл.12: «Божество, будучи непостижимымъ, конечно будетъ и безымяннымъ. Не зная Сущства Его не будемъ искать и имени Его Сущства». Имена Божіи не суть

Божество, а именованіе Божества. Имена Божества суть именованія дѣйствій Божества, а не Его Сущности. Поэтому эти имена не могут содержать въ себѣ все Существо Божіе. То-есть Сущность и дѣйствія Божіи суть нетварны, а именованіе тѣхъ дѣйствій тварно. А разъ такъ, то какъ тварное можетъ содержать въ себѣ Нетварное? Если допустить такое, то мы придемъ къ языческому пантеизму, лживо утверждающему, что нетварное Божество содержится въ Своемъ твореніи (въ чемъ, кстати, и обвиняла имяславцев Халкинская богословская школа). Слово Рожденное и Безначальное, какъ Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, неизменуемо. А Слово Воплощенное именуемо въ Богочеловѣчествѣ Іисуса Христа. Слово Неизменуемое освящаетъ имя Слова Воплощеннаго. Имя Божіе (не какъ Самъ Господь, а какъ Его именованіе твореніемъ!) не несотворенно.

Вопрос Н.: Какъ можно имя отдѣлить отъ именуемаго? Оно неотдѣлимо, въ томъ-то и суть.

Встрѣчный вопросъ Р.: А кто именуетъ Бога?

Отвѣтъ Н.: Онъ Самъ Себя именуетъ. Какъ явленіе.

Вопросъ Р.: Онъ именуетъ себя по существу?

Отвѣтъ Н.: Не знаю. Это сложный вопросъ. Я знаю, что под именемъ мы понимаемъ не буквы и звуки, а проявленіе Бога. Бог проявилъ, вот это Самъ Богъ.

Р.: Нѣтъ, не Самъ Богъ.

Н.: А кто же?

Р.: Проявленіе Божіе.

Г.: Онъ именуетъ Себя по Своимъ дѣйствіямъ, которыя познаваемы отъ человека. Въ отличіе отъ Сущности.

Н.: Нельзя отдѣлять дѣйствія отъ Сущности, если мы православные.

Р.: Нельзя, вѣрно. Но и сливать ихъ нельзя. Мы обязаны умозрительно раздѣлять Сущность и Дѣйствіе, иначе впадемъ въ ересь. Варлаамиты утверждали, что Божество и Дѣйствіе едины и тождественны. Они признавали только Бога и Его твореніе. Но никакого посредующаго звена они не допускали. Это и есть варлаамитская ересь. А свт. Григорій Палама ввелъ это посредующее звено. Онъ сказалъ, что есть проявленіе Бога въ видѣ Его дѣйствія, въ видѣ Его энергіи, и это проявленіе есть Самъ Богъ.

Н.: Ну, правильно.

Р.: А въ объективномъ смыслѣ Существо Божіе неизменуемо.

Г.: Это немного нелогично. Почему? Потому что есть вещи сами по себѣ объективныя. Мы не можемъ не соприкасаться съ Богомъ, потому что мы къ этому призваны. И соприкасаться мы можемъ съ Нимъ черезъ Его воздѣйствіе на насъ, когда мы Его принимаемъ. Въ идеаль.

Р.: Ну, вотъ и продолжите свою мысль, какъ Вы должны были бы сейчасъ сказать: «когда мы Его именуемъ». То-есть не Онъ именуетъ въ объективномъ смыслѣ Самъ Себя, а когда Онъ именуетъ Себя для насъ, ради нашего воспріятія. То-есть, мы Его именуемъ въ отвѣтъ на Его Откровеніе о Себѣ.

Г.: Всѣ мы понимаемъ, что мы испытываемъ воздѣйствіе Святаго Духа на себѣ, что Богъ касается насъ, что мы, вдругъ, начинаемъ что-то видѣть и понимать, это намъ открывается. И вотъ Божество Своей энергіей открывается намъ. И имя — это нѣчто подобное — Его содержаніе.

Р.: Стопъ! Имя это есть именованіе дѣйствія Божьяго, это не нѣчто подобное. Имя — это не дѣйствіе Божіе, а именованіе дѣйствія Божьяго! А иначе вы тварнымъ именемъ ограничиваете нетварное Божество, сводите Его къ тварному воспріятію (то-есть къ воспріятію какъ твари). Да не будетъ! Григорій Палама это и пытался сказать, что въ этомъ смыслѣ Богъ (Θεός) выше Божества (Θεότης).

Н.: Ну да, выше.

Р.: А какъ же «да», если вы говорите, что они неотдѣлимы?

Н.: Если сравнить Солнце и лучи, лучи это тоже Солнце — вотъ вамъ образъ.

Р.: Во-первыхъ, умозрительно-то вы ихъ отдѣляете, теплоту солнечную отъ самого Солнца! Во-вторыхъ, это неподходящій образъ. Вотъ что въ отношеніи даннаго образа говоритъ свт. Григорій Богословъ: «Бралъ опять въ разсмотрѣніе солнце, лучъ и свѣтъ. Но и здѣсь опасеніе, чтобы въ несложномъ естествѣ не представитъ какой-либо сложности, примѣчаемой въ солнцѣ и въ томъ, что отъ солнца; во-вторыхъ, чтобы, приписавъ сущность Отцу, не лишить самостоятельности прочія лица, и не содѣлать Ихъ силами Божіими, которыя въ Отцѣ существуютъ, но не самостоятельны. Потому что и лучъ и свѣтъ суть не солнце, а нѣкоторыя солнечныя изліянія и существенныя качества солнца»¹²⁷. И еще: «Симъ подобіемъ наводится прежняя мысль о движеніи, о сложности, объ естествѣ непостоянномъ и зыблющемся, тогда какъ ничего подобнаго не должно представлять о Божествѣ... всего лучше отступить отъ всѣхъ образовъ и тѣней, какъ обманчивыхъ и далеко недостигающихъ до истины»¹²⁸.

Г.: Какъ я понимаю, человекъ созданъ какъ духовный и какъ матеріальный, тварный. Соответственно, нашъ языкъ по такому же плану.

Н.: Слово какъ сосудъ.

Г.: Да. Когда мы говоримъ «всемогущій» — это сосудъ. А онъ наполняется Божественной энергіей, которая насъ касается. А когда Божественная энергія насъ касается, намъ причастенъ вѣсь Богъ. Не только какъ «всемогущій», но вѣсь, потому что Онъ недѣлимъ.

¹²⁷ Слово 31. Свт. Григорій Богословъ. Творенія. Т.1. С.-Пб.: изд-во Сойкина, 1912. С. 461- 462.

¹²⁸ Тамъ же. С. 462.

Н.: И о. Иоаннъ Кронштадтскій писалъ объ этомъ, хотя я не очень понимаю, но Иоаннъ Кронштадтскій такъ писалъ.

Р.: Получается, вы допускаете, что вы всего Бога себя приобретаете? То-есть вы Его причащаете себя, потому что неотдѣлимо ваше воспріятіе Его отъ Него Самого?

Г.: Конечно!

Р.: Вы понимаете, что это ересь?!

Г.: Ну, по мѣрѣ моей способности воспринимать.

Р.: Да по любой мѣрѣ! Потому что мы съ вами, простите, тварь. Неименуемо Существо Божіе!

Н.: Вы хотите сказать, что когда вы именуете Бога или Иисуса Христа, вы именуете Его только по человѣчеству что ли?

Р.: Я именую Его человѣчество, воспринятое Божественной природой. Обоженое человѣчество я такъ именую. Поэтому для меня и свято это Имя. Но я не могу сказать, что это имя само по себѣ есть Самъ Богъ во всемъ своемъ Существо.

Г.: Но мы вѣдь тоже обожаемъ! И черезъ имя и черезъ Св. Причастіе, потому что мы къ этому призваны.

Р.: Вы сейчасъ уходите въ другую тему. Я не спорю съ этимъ. Вы обожаетесь. Но вы обожаетесь не Существомъ Божіимъ, а дѣйствіемъ Бога, Его благодатью.

Г.: Да.

Р.: А что есть благодать? Благодать есть сила Божія, дѣйствующая на васъ.

Г.: Да.

Н.: Но она неотдѣлима отъ Сущности.

Р.: Но и несліянна съ Нею!

Г.: Понимаете, есть цѣльность. Вотъ душа человѣка цѣльна, въ подобіе Божіе, какъ я понимаю, потому что Богъ — Онъ цѣленъ и недѣлимъ. И если мы прикасаемся къ какой-то частицѣ, мы прикасаемся всему. Потому что Его нельзя раздѣлить или разбить на части.

Н.: Кстати, внѣ плотскихъ мудрованій. Богъ простъ, какъ Иоаннъ Кронштадтскій пишетъ — простое Существо. Это не отъ разума, это непостижимо. Это нельзя плотскимъ, вотъ, схемой нарисовать что-то!

Р.: Свт. Василій Великій, къ примѣру, не говоритъ въ своихъ писаніяхъ, что Богъ простъ, но что Его сущность проста или же что Онъ простъ по существу, но множественъ въ Своихъ энергіяхъ, и что эта множественность не нарушаетъ простоты Его сущности.¹²⁹ Вы же все на батюшку Иоанна киваете. А я вамъ приведу цитату изъ его же труда: «Чтобы маловѣрное сердце не помыслило, что крестъ или

¹²⁹ Архіеп. Василій (Кривошеинъ). Проблема познаваемости Бога. Оп. въ: Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в 2 т., том первый: Догматико-полемиические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. Под ред. проф. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 1098.

имя Христово дѣйствуютъ сами по себѣ, эти крестъ или имя Христово не производятъ чуда, когда я не увижу сердечными очами или вѣрною Христа».¹³⁰

Г.: Правильно!

Р.: А разъ правильно, теперь скажите: если вы, скажемъ такъ, не идентифицировали дѣйствіе Божіе, оно на васъ отъ Бога имѣетъ воздѣйствіе?

Г.: Да. Но съ оговоркой. Допустимъ, я получаю не тотъ благой результатъ, который предусматривало это дѣйствіе. Если на примитивномъ житейскомъ уровнѣ разсуждать, Богъ очень часто людей побуждаетъ, чего-то имъ показываетъ, а они на это не обращаютъ вниманія или какъ-то не такъ на это реагируютъ. Если же они въ полноту входятъ, того что имъ Богъ открываетъ, то эта благодать мѣняетъ жизнь человѣка.

Н.: Еще очень важно: дѣло въ томъ, что имя Божіе, когда его человѣкъ призываетъ, оно не будетъ бездѣйственно. Оно обязательно будетъ или въ осужденіе, или во спасеніе, но обязательно произведетъ духовное дѣйствіе на человѣка, потому что имя въ духовномъ смыслѣ отъ Бога неотдѣлимо.

Р.: Неправда.

Н.: Правда!

Р.: Вы разсуждаете не православно.

Н.: Какъ не православно? Какъ разъ православно!

Р.: Имя есть наше тварное воспріятіе Бога.

Н.: Нѣтъ. Имя — это откровеніе Божіе, это Божія сила и Божія премудрость. Объ этомъ изъ Писанія четко видно.

Р.: Откровеніе Божіе есть непосредственно то, что Богъ сообщилъ о Себѣ. Вотъ высшимъ воплощеніемъ Откровенія Божія является Сынъ Божій.

Н.: Да.

Р.: Но наименованіе Его само по себѣ не есть Богъ.

Н.: Но это тоже Откровеніе Божіе!

Р.: Именованіе само по себѣ, какъ именованіе Дѣйствія, какъ именованіе Откровенія не есть Богъ. И ужъ тѣмъ болѣе не есть Богъ по Существу Своему.

Г.: Видите ли, есть наши слова общеупотребляемые, допустимъ, «богъ». Иногда мы это слово можемъ примѣнить, какъ наше тварное слово, въ любомъ контекстѣ, потому что «богами» называли, допустимъ, идоловъ въ томъ числѣ. Но это уже нюансъ, который касается нашего земнаго уровня употребленія.

Р.: Воспріятія, иначе говоря.

Г.: Да. Это наши символическія обозначенія тѣхъ или иныхъ дѣйствій.

Р.: Совершенно вѣрно.

¹³⁰ Прот. Иоаннъ Сергіевъ. Моя жизнь во Христѣ. Т. 4. Изд. второе, СПб., 1893. С. 30.

Г.: Но если мы Бога именуемъ какъ Бога, то это сразу насъ направляетъ, нашъ духовный векторъ къ Нему.

Р.: Все совершенно вѣрно. Мы объ этомъ говорили уже. Въ началѣ. А въ чемъ тогда разногласіе? (пауза) Давайте, я подытожу цитатами изъ святыхъ отцовъ: «Умъ (Христовъ) соединился съ Богомъ-Словомъ и былъ названъ Христомъ не до воплощенія отъ Дѣвы, какъ ложно говорятъ нѣкоторые. Это нелѣпость странныхъ мнѣній Оригена, учившаго о предсуществованіи душъ. Мы же утверждаемъ, что Сынъ и Слово Божіе сталъ Христомъ съ того времени, какъ вселился въ утробу святой Приснодѣвы и, не измѣнившись, сдѣлался плотію, и плоть была помазана Божествомъ. Ибо это помазаніе есть помазаніе челоуѣчества, какъ говоритъ Григорій Богословъ» («Точное изложеніе православной вѣры» гл. VI).

Н.: Какъ же говоритъ Писаніе: прежде солнца пребываетъ имя Его?

Р.: Вотъ вамъ и отвѣтъ! То, что называется «имя Его» — это есть библейскій языкъ, который выражаетъ Самого Господа. Онъ Самъ пребываетъ прежде солнца, какъ Господь, но не какъ Его именованіе.

Н.: Ну, какъ же? Здѣсь же прямо сказано, что прежде солнца пребываетъ **Имя** Его, не сказано же, что прежде солнца пребываетъ Онъ?

Р.: И еще разъ вамъ говорю, что это библейскій языкъ, на которомъ было нетактично и даже запрещено именовать Господа прямо, поэтому именовали Его, и это признано свв. отцами, какъ Имя Господа. Не указывали прямо на Самого Господа, а говорили о Имени Его. Это особенность символики библейскаго языка. А святые отцы вотъ какъ разсуждаютъ: «И священнейшій Кириллъ Александрійскій въ письмѣ къ цесарю Феодосію сказалъ такъ: "Я утверждаю, что ни Слово, рожденное отъ Бога безъ челоуѣчества, ни храмъ, рожденный отъ жены, но не соединенный со Словомъ, не должно называть Иисусомъ Христомъ. Ибо подъ Христомъ разумеется Слово Божіе, неизреченно сочтанное съ челоуѣческимъ путемъ положеннаго въ планахъ домостроительства соединенія". И къ царицамъ онъ такъ пишетъ: "нѣкоторые говорятъ, что имя Христось приличествуетъ даже и одному рожденному отъ Бога Отца Слову, особо и самому по себѣ мыслимому и существующему. Мы же не такъ научены думать и говорить, ибо, когда Слово стало плотью, тогда Оно, говоримъ мы, и было названо Иисусомъ Христомъ"». Вотъ, какъ вы говорите, что будто бы Богъ Самъ Себя именовалъ. А св. отецъ отвѣчаетъ: «Мы же не такъ научены думать и говорить!» И далье: такъ какъ Слово «помазано отъ Бога и Отца елеемъ радости, или Духомъ, то поэтому и называется Христомъ. А что помазаніе было совершено надъ челоуѣчествомъ, въ этомъ не усомнится никто изъ привыкшихъ правильно думать". И всехвальнѣйшій Аѳанасій въ словѣ о спасительномъ пришествіи (Христовомъ) говоритъ такъ: "Предвѣчный Богъ до пришествия во плоти не былъ челоуѣкомъ, но былъ Богомъ у Бога, невидимый безстрастный. Когда же Онъ сталъ челоуѣкомъ, то ради плоти усвоается Ему имя Христось, потому что этому имени сопутствуютъ страданіе и смерть"» («Точное изложеніе православной вѣры» гл. VI).

Л.: Когда Слово стало плотью.

Р.: Да. Только когда Слово стало плотью, Оно было названо Господомъ Иисусомъ Христомъ.

Л.: Вотъ именно!

*Р.: Поэтому въ нашемъ съ вами пониманіи мы должны уяснить слѣдующее: дѣйствительно, мы не можемъ фактически отдѣлять Сущность Божію отъ Его дѣйствія, но мы не можемъ и не сдѣлать этого, чтобы не впасть въ зломудрованіе. Мы должны умозрительно понимать, что Сущность Божія и Его дѣйствіе **не тождественны** въ объективномъ смыслѣ. Дѣйствіе Божіе не есть Сущность Божія и Сущность Божія не есть дѣйствіе Божіе. А разъ такъ, то мы съ вами остановимся на ученіи Православной вѣры и скажемъ: Сущность Божія неизменна и Богъ Творецъ никакого Самъ Себѣ тварнаго имени не давалъ. Потому что это невозможно по причинѣ того, что это будетъ ограниченіе Божества, умаленіе Его, низведеніе Его къ тварности.*

Но Богъ открывалъ Себя чрезъ Свои проявленія, чрезъ Свои энергіи-дѣйствія. Такъ вотъ именованія этихъ дѣйствій и суть имена Божіи. Никакое имя Божіе не выражаетъ Бога во всей своей полнотѣ, а выражаетъ только часть открываемаго Имъ о Себѣ по дѣйствію.

Вопросъ: А то Слово, которое было въ началѣ у Бога, это Его имя?

Отвѣтъ: До воплощенія Своего Слово Божіе было неизменно: «Божество, будучи непостижимымъ, конечно будетъ и безымянно. Не зная Существа Его не будемъ искать и имени Его Существа» («Точное изложеніе православной вѣры» гл. XII).

Вопросъ Г.: Дѣйствіе Божіе божественно или тварно?

Отвѣтъ: Конечно божественно! Дѣйствіе Божіе никакъ не можетъ быть тварнымъ. Оно истекаетъ отъ Сущности Божіей. Конечно, божественно! И поэтому оно и не можетъ быть именемъ. Мы можемъ именемъ именовать дѣйствіе Божіе по нашей ограниченности, но само по себѣ оно именемъ быть не можетъ.

Вопросъ Г.: Когда въ Апокалипсисѣ описывается, когда Господь приходитъ, тамъ есть такая деталь: камень, на которомъ написано имя, котораго никто не можетъ знать. Какъ вы думаете, связано ли это имя съ тѣмъ, что касается Сущности Іисуса Христа какъ Бога?

Отвѣтъ: Сущность Божія неизменна, но для того, чтобы дать это понятъ человѣку, думаю, можно использовать тотъ символъ, о которомъ вы сейчасъ сказали. Мы не можемъ отдѣлять Божество (какъ Дѣйствіе) отъ Бога, но и сливать Ихъ не можемъ. Божество и Богъ едины, но не тождественны.

Имя святаго человѣка тоже свято и всесвято (см. тропарь 1-й пѣсни на память Св. Ап. и Ев. Луки). Причастившись Божества, обожившись, и имя этого святаго человѣка стало «свято» и «всесвято». Не имя Лука само по себѣ, а конкретно имя Св. Ап. и Ев. Луки. «Богъ во святыхъ почиваетъ и въ самомъ имени ихъ, и въ самомъ изображеніи ихъ» (о. Іоаннъ Кр.) Имя есть символъ того, кто его носитъ.

Вопросъ Н.: А какъ же у Максима Исповѣдника «Имя Бога и Отца существенно и ипостасно пребывающее есть Сынъ»?

Отвѣтъ: Что же? Этимъ вы подтверждаете все мною прежде сказанное, что имя Отца есть Сынъ Божій.

Н.: Имя Божіе есть не именованіе дѣйствія Божія, а оно само и есть дѣйствіе Божіе!

Р.: Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Иначе вы именовемъ ограничите Божество. Мы не можемъ сказать болѣе того, чѣмъ Господь сказалъ Самъ о Себѣ и не можемъ сказать о Богѣ болѣе, чѣмъ сказала Православная Церковь. Поэтому мы не имеемъ права вводить ни новое пониманіе какихъ-либо догматовъ Церкви Христовой, ни самихъ новыхъ догматовъ. А о. Иларіонъ въ своей книгѣ «На горахъ Кавказа» какъ разъ самъ признается въ томъ, что вводитъ новый ранѣе неизвѣстный догматъ. Къ тому же о. Иларіону хорошо были извѣстны отрицательныя рецензіи на его книгу, причемъ не только извѣстныя намъ, помещенныя въ журналъ «Русскій инокъ» за 1912 г. въ №№ 4-6, но и болѣе ранняя неизвѣстнаго автора, опубликованная еще въ 1910 г., сохранившаяся до сихъ поръ въ НИОР РГБ.¹³¹ Но и это не все! Какъ сообщаетъ А. М. Хитровъ, «помимо данныхъ рецензій о. Иларіону также были известны отрицательныя отзывы Афонскихъ, Оптиныхъ, Валаамскихъ и Глинскихъ монаховъ, существованіе которыхъ апологетами имяславия до сего времени тщательно скрывается и умалчивается. Наибольшій интересъ представляютъ материалы НИО РГБ. Ф. 218. Козельская Введенская Оптина пустынь. К.3 “Дело объ имябожникахъ...”, в которомъ подтверждается осужденіе оптинскими монахами имяславия и отказъ участвовать в ихъ увещеваніяхъ».¹³²

Вопросъ Н.: Почему черезъ все Священное Писаніе идетъ Имя, Имя, Имя?

Ответъ: Я уже не разъ говорилъ Вамъ, что это символика библейскаго языка. Имя Господа запрещено именовать всуе. То-есть, обращаться съ понятіемъ о Богѣ нельзя профанно, со смѣшкомъ, праздно или суесловья. Этому и служитъ въ Свящ. Писаніи Ветхаго Заветъ замѣщеніе именованія Бога, какъ «Сущій», напримѣръ, словосочетаніемъ Имя Господне, Имя Божіе, Имя Его и т.п.

Вотъ вамъ другой примѣръ. Когда вы обращаетесь къ Государю, то подаете прошеніе на его Высочайше Имя. Но вы же въ дѣйствительности не къ имени Государя обращаетесь, а къ нему самому! И самъ-то Государь себя именуетъ какъ? посмотрите! Онъ вѣдь пишетъ о себѣ въ третьемъ лицѣ – не Я, а Мы. Не какъ личность Николая Александровича Романова, а какъ имеющій помазаніе отъ Бога, какъ имеющій царскую власть. Онъ въ этомъ смыслѣ называетъ себя, какъ Мы, Государь Николай Александрович. И въ этомъ множественномъ числѣ, въ которомъ онъ себя именуетъ, представлено понятіе о немъ и какъ о человѣкѣ, ни чѣмъ не лучше другихъ, ибо всѣ согрѣшили, и какъ о Государѣ, власть которому предана Богомъ. Говоря иначе, «Мы» Государя – это сочетаніе сакральнаго и профаннаго. Однако, мы не можемъ, какъ слить въ Государѣ въ одну смѣсь сакральное и профанное, такъ и раздѣлить ихъ не можемъ. Въ жизни Государя полно моментовъ, когда Онъ дѣйствовалъ какъ обычный

¹³¹ Ф. 268. ед. хр. 331 (Ор.сit.: Чтецъ Александръ Хитровъ. Послесловіе. // Въ сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе божественнаго. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. XLIX).

¹³² Чтецъ Александръ Хитровъ. Послесловіе. // Въ сборникѣ: Митр. Антоній (Храповицкій). Святое Православіе и именованіе божественнаго. Ч. I. Харьковъ, 1916. С. XLIX.

человѣкъ: ѣлъ, пилъ, спалъ и даже курилъ, но есть и время, когда Онъ вершитъ свои дѣйствія какъ полноправный Государь властью, данною Ему отъ Бога.

Н.: «Имя Божіе свято Само въ Себѣ» – сказано въ Большомъ катехизисѣ.

А.: Имя Божіе есть Самъ Богъ, но Богъ не есть имя.

Г.: Вотъ вы на службѣ поминаете имена людей, многихъ изъ которыхъ вы даже не знаете. Но существуетъ мистическая связь, чрезъ которую дѣйствуетъ благодать имени и человѣка.

Р.: Благодать дѣйствуетъ не черезъ мистическую связь, не говорите ереси. Благодать дѣйствуетъ только черезъ Бога и отъ Бога. Точка. И не надо называть эти процессы воспріятія и воспринимаемаго «благодатью». Все это не есть благодать. Благодать мы не можемъ постигнуть по своему содержанію, мы можемъ постигать ее только по ея прикосновенію къ намъ.

Г.: Правильно. Но вы называете имя человѣка, котораго не знаете. Но происходитъ прикосновеніе. Какимъ образомъ?

Р.: Правильно, происходитъ. Потому что Господь его, носящего это имя, знаетъ. И я именую этого человѣка въ очахъ Божіихъ, хотя я его лично не знаю.

Г.: Такъ въ этомъ и тайна имени, понимаете?

Р.: Въ чемъ?

Г.: Въ томъ, что не существуетъ обусловленности чисто психологической. Это все дѣйствуетъ даже безъ этой обусловленности. Имя связано съ человѣкомъ, съ личностью. И все тутъ!

Р.: Имя въ данномъ смыслѣ связано съ человѣкомъ потому только, что Господь **знаетъ** этого человѣка по сути, а не только по его имени. И мы можемъ назвать человека Александромъ и поминать какъ Александра, и не знать при этомъ, что онъ принялъ постригъ и теперь онъ – Викторъ. И что же, Господь его не помянетъ изъ-за этой ошибки или невѣденія того, кто именуетъ его Александромъ?

Г.: Помянетъ.

Р.: Намъ надо не привязывать себя къ какой-либо точки зрѣнія, такъ называемыхъ «имябожнической» или «имяборческой», а погрузить себя въ православное сознаніе. Вотъ, что намъ необходимо! Внимательно прочтите для начала Прп. Іоанна Дамаскина «Точное изложеніе православной вѣры», и многія вещи станутъ для васъ очевидными, встанутъ на свои мѣста. И всѣ эти «новыя ученія» покажутъ вамъ свою лживую суть. Ученіе схим. Иларіона, іеросхим. Антонія (Булатовича) и архим. Давида (Мухранова) – новое, не знакомое прежде Церкви. Таковыя ученія осуждаются словомъ Апостола: но и аще мы, или ангелъ съ небесъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѡема да будетъ! (Гал. 1, 8) Отъ насъ, считающихъ себя православными, требуется хорошо знать основы нашей Православной Вѣры. Безъ нихъ мы не разберемся въ этихъ непростыхъ вопросахъ. Въ который разъ повторю: мы не

можемъ объективно раздѣлить Сущность Божию и дѣйствіе Божіе. Но мы умозрительно обязаны это сдѣлать.

Н.: Зачѣмъ?

Р.: Да, чтобы не сливать Ихъ! Чтобы не впасть въ ересь варлаамитовъ. Вотъ зачѣмъ.

Н.: А что есть ересь варлаамитовъ?

Р.: Варлаамиты, подобно савеліанской ереси, сочетали, сливали вмѣстѣ Божество и Дѣйствіе, отождествляя одно съ другимъ, и не допуская промежуточнаго звена между Богомъ и тварью. Вотъ въ чемъ ересь варлаамитовъ.

Г.: Черезъ имя не мы Бога, а Богъ насъ присваиваетъ. Связь какъ бы идетъ обратная.

Р.: Правильно. Богъ насъ присваиваетъ. А посредствомъ чего? Что Онъ насъ к Сущности своей присваиваетъ?

Н.: Къ дѣйствию.

Р.: Вотъ именно! Икона становится таковой тогда, когда она освящена. Имя Божіе становится божественнымъ тогда, когда оно освящено Божествомъ, Духомъ Святымъ. А безъ этого, само по себѣ, оно не имеетъ божественности. Это – тварное образованіе, облегчающее наше пониманіе, наше узкое субъективное воспріятіе Того, Кто неизмененъ по существу.

**Санктъ-Петербургъ,
ноябрь 2021г. по РХ**